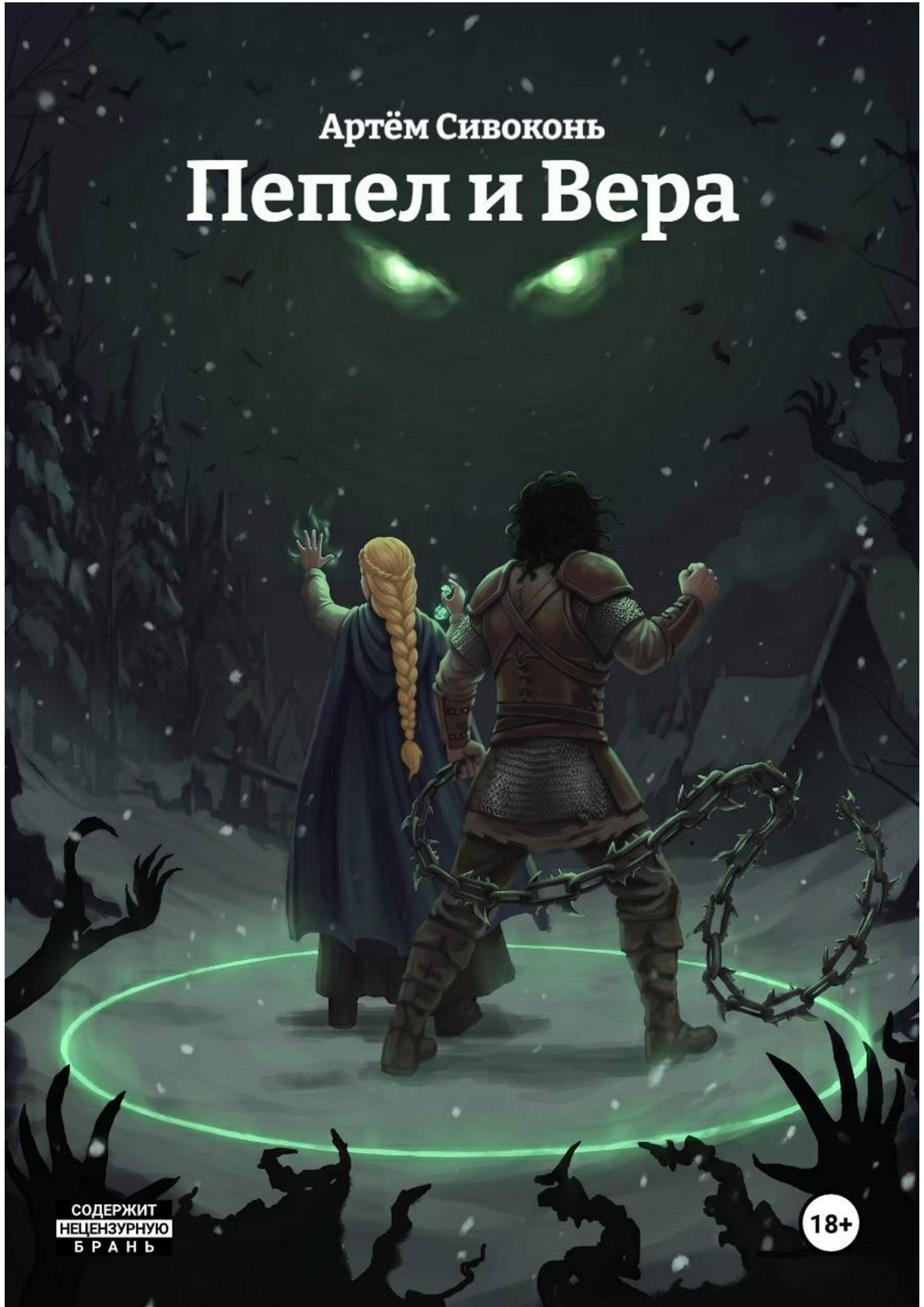

Артём Сивоконь

Пепел и Вера

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артём Сивоконь

Пепел и Вера

«Автор»

2026

Сивоконь А. С.

Пепел и Вера / А. С. Сивоконь — «Автор», 2026

Он пережил резню, в которой погибла вся его деревня. Его вытащили из-под тела матери, залитого кровью. Шестнадцать лет он учился убивать. Теперь Матвей — лучший охотник на нечисть, его цепь с кинжалами не знает промаха. Но враг, с которым он столкнулся, не лезет в открытый бой. Смертомор — древний хаос, заточённый богами. Он не рубит сплеча. Он шепчет. Он переманивает. Он заражает орден изнутри, превращая бывших братьев в тени с чёрными глазами. Чтобы выжить, Матвею придётся принять дар, о котором он не просил. Найти союзников там, где их быть не может. И понять главное: иногда, чтобы победить тьму, нужно сначала не дать тьме победить тебя.

© Сивоконь А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. ВОСХОЖДЕНИЕ ТЬМЫ	5
Глава 2. ТЫ ТЕНЬ ТОЙ ТРАГЕДИИ	8
Глава 3. ТЬМА ВО МНЕ	10
Глава 4. КТО ТЫ ТАКОЙ?	14
Глава 5. УЗЫ	18
Глава 6. ГОРОД ПЕРЕЛИВАЮЩЕГОСЯ ОГНЯ	21
Глава 7. ТЕНИ В ТОРМИРЕ	23
Глава 8. ЛИЦОМ К ТЕНЯМ	26
ГЛАВА 9. ПРОБУЖДЕНИЕ	31
ГЛАВА 10. БОЖИЙ СУД	34
ГЛАВА 11. ДУРЁХА	40
ГЛАВА 12. РАСПЛАТА ЗА ПРАВДУ	43
ГЛАВА 13. Я ИХ ВСЕХ УНИЧТОЖУ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Артём Сивоконь

Пепел и Вера

Глава 1. ВОСХОЖДЕНИЕ ТЬМЫ

«Меня не рождали. Я был всегда.»

«До того, как первый свет расколол тьму. До того, как первый крик нарушил тишину. До того, как боги осмелились назвать себя богами.»

Я — хаос. Первородный. Безмянный.

Когда миры были единым бушующим океаном сил, я был этим океаном. Жизнь и смерть, магия и плоть, дух и материя — всё смешивалось во мне. Не было ни дня, ни ночи, ни покоя, ни тверди под ногами. Время текло вспять и вперёд одновременно. Это был я.

Но Великие Силы осознали: чтобы творение обрело форму, нужны пределы. Нужен закон. Нужно разделить несоединимое.

Они украли часть меня.

Они собрали осколки угасших звёзд и слёзы первозданной тьмы, смешали их с моим дыханием и выковали Сердца-Обереги. Артефакты, которые стали точками кристаллизации реальности. Они впустили в себя меня и, пропустив сквозь свою совершенную структуру, излучали наружу стройный поток сил — ровный, предсказуемый, безопасный.

Мой хаос они превратили в порядок.

Явь, Навь и Правь обрели свои берега. А я... я оказался по ту сторону.

Но ни один горн не идеален.

В момент, когда раскалённое сердце последнего Оберега касалось ткани мироздания, случилось то, чего они не предвидели. Часть меня — та, что была темнее ночи и хитрее змеи — не была преобразована.

Я выскользнул.

Не весь. Не целиком. Но достаточно, чтобы помнить. Достаточно, чтобы ждать. Достаточно, чтобы учиться.

Я не имел формы. Лишь бесконечный, холодный голод. И я укрылся в самых тёмных, забытых уголках мира.

Я изучал новый порядок вещей. Постигал законы магии, силу слов и слабости душ. Я учился внушать.

Сначала — шёпотом в сон. Потом — мыслям в голове. Потом — самой воле.

Я находил тех, кто был слаб духом, охвачен страстью, ослеплён обидой. Я не приказывал. Я предлагал. Я показывал путь к силе, к мести, к бессмертию.

И с каждым последователем, с каждой пролитой по моей наущению каплей крови, я рос. Я учился принимать формы — сперва тени, затем лика, затем плоти.

Теперь я почти готов.

Я помню, кто заточил меня. Я помню Сердца-Обереги — ключи от моей темницы. Я знаю, что, разрушив их, я не просто выйду на свободу.

Я стану новым законом.

Единственной волей, перед которой склонится всё сущее.

Меня называют по-разному. Шёпот. Навьцом. Безликим. Те, кто боится, придумывают мне имена, чтобы сделать меня меньше, чем я есть.

Но моё истинное имя известно лишь мне.

Смертомор.

И эта история — не о героях, которые победят. Эта история о том, как я учился их ломать.

Потому что первый из них...

— здесь голос становится тише, почти задумчивым —
...уже идёт.

Деревня у Серебряного озера всегда стояла особняком. Не потому, что люди здесь были злыми или дикими. Просто так сложилось — отгороженные от больших трактов топями и молодым сосняком, они жили своей тихой, замкнутой жизнью. Всех здесь знали по именам. Помогали, кто чем мог. Зимой, когда озеро сковывал тонкий, прозрачный лёд, оно серебрилось в свете луны так, что казалось — земля отражает небо. Оттуда и название. В ту зиму лёд был особенно красивым. И особенно хрупким. Луна стояла высоко, когда твари пришли. Они не выли. Не рычали. Они скользили из чёрных провалов между сосен бесшумно, как стая, почуявшая кровь. Их было много. Слишком много для такой маленькой деревни. Первым закричал старый Кузьма — он вышел на крыльцо по нужде и увидел их в упрям. Крик оборвался вместе с его жизнью. Тварь сбила его с ног, вцепилась в горло и рванула так, что голова отделилась от плеч и покатила по крыльцу, оставляя за собой тёмный, липкий след. Дальше начался ад. Кровь текла из каждой избы. Мужиков рвали на части прямо на порогах — кто успел схватиться за топор, кто нет. Один из них, Фрол, успел ударить. Топор вошёл твари в плечо, но она даже не дрогнула. Лапа с когтями, похожими на обломки кос, вошла ему в живот по самое запястье. Потом — вверх. Фрол упал на колени, пытаясь удержать кишки, которые вываливались наружу тёплым, скользким комом. Женщин вспарывали у печей, пока те закрывали собой детей. Ульяну тварь ударила в спину так, что она упала лицом в пол, а её кровь брызнула на стену. Она ещё пыталась ползти к люльке, оставляя за собой кровавую полосу. Не доползла. Потом наступила тишина. Охотники опоздали. Они пришли, когда деревня уже догорала. Когда запах горелого дерева смешался с запахом свежей крови и того, что когда-то было людьми. Чёрный пепел кружился в воздухе, оседая на снег, и снег этот больше не был белым. Старший охотник, мужчина с лицом, исполосованным шрамами, остановился на въезде. Молча смотрел на то, что осталось от деревни. Его пальцы сжимали рукоять топора так, что побелели костяшки. — Прочёсываем, — сказал он глухо. — Живых не будет. Но проверить надо. Они нашли его в крайней избе у самого леса. Изба была знахарской — запах сушёных кореньев, пучки трав под потолком, тёмные пятна на стенах, где когда-то висели обереги. Печь была ещё тёплой. У её основания, заваленный опрокинутым столом и чьим-то телом, притаился мальчик. Тело принадлежало женщине. Её спина была разодрана от лопаток до поясницы. Она лежала лицом к печи, раскинув руки, будто пыталась загородить собой кого-то. Под ней, в луже крови и грязи, сидел он. Мальчик был весь в крови. Чужой и своей. Лицо — бледное, в саже и красных потеках. Глаза широко открытые, но без того животного ужаса, который охотники привыкли видеть на лицах выживших. Взгляд был чистым. Прозрачным, как тот самый лёд на озере. И этим он был страшнее любого крика. — Один? — спросил молодой охотник, не решаясь приблизиться. — Один, — ответил старший. Он подошёл к мальчику, присел на корточки. Тот не отшатнулся. Не заплакал. Просто смотрел. В его глазах не было просьбы. Не было страха. Только тихое, ледяное понимание того, что мир только что перестал быть прежним. — Как звать? — спросил старший. Мальчик молчал. Секунду. Две. Потом губы дрогнули. — Матвей. — Пойдёшь с нами? Мальчик протянул руку. Грязную, в засохшей крови, с обломанными ногтями, с чёрной каймой под ними. Охотник взял её. — Мы научим тебя бить эту нечисть. Мы дадим тебе веру в отмщение. Матвей не ответил. Но его пальцы сжались в его ладони с такой силой, будто он боялся, что его оставят. Они не оставили. Уходя из деревни, старший охотник оглянулся. Озеро серебрилось в лунном свете, спокойное и равнодушное. Лёд не треснул. А мальчик шёл, не оглядываясь. **В ДАЛИ, В ЛЕСАХ, ПРИТАИЛАСЬ ТЕНЬ.** Она не имела формы. Не имела лица. Она была сгустком тьмы, более чёрной, чем ночь вокруг. И она смотрела. Сквозь деревья. Сквозь расстояние. Сквозь время, которое ещё не наступило. Её взгляд скользнул по догорающим избам, по телам, которые никто не придёт хоронить, по кровавому

следу, уходящему в чащу. И остановился на маленькой фигурке, бредущей между двумя охотниками. Мальчик. Грязный. Кровавый. Живой. Тень дрогнула. Из её глубины вырвался звук — не вздох, не стон, а нечто среднее. Шелест сухой листвы, смешанный с шипением умирающего угля. Голос. Древний. Бесконечно усталый. — Он выжил в этом пекле. Пауза. Тень ждалась, будто в раздумье. — Он станет сильнее. Ещё одна пауза. Длиннее. Тяжелее. — Я долго учился. Постигал вашу природу. Вашу боль. Вашу надежду. — Голос стал тише, почти задумчивым. — Но так и не понимаю. Как вы, недолговечные, хрупкие, как лёд на этом озере как вы продолжаете идти вперёд? Тень ждала ответа. Но лес молчал. Луна молчала. Мальчик уходил всё дальше. — Я пойму, — прошептала Тень. — Я разберу вас на части. Я изучу каждую вашу слезу, каждый крик, каждую молитву. И тогда Она не закончила. Растворилась в черноте между сосен, оставив после себя лишь холод и обещание. Лёд на озере не треснул. Ни тогда. Ни потом. Но Тень запомнила лицо мальчика.

Глава 2. ТЫ ТЕНЬ ТОЙ ТРАГЕДИИ

Спустя шестнадцать зим.

Мальчика, которого охотники вытащили из кровавой избы у Серебряного озера, больше не было.

Был мужчина.

Матвей.

Острые, широкие скулы резали лицо, как грани старого утёса. Глубокий взгляд голубых глаз смотрел из-под насупленных бровей — не злой, нет. Пустой. Тот, кто прошёл через ад, не носит злость на лице. Он носит тишину.

Длинные, выщипанные волосы цвета воронова крыла были заправлены назад, открывая высокий лоб с тонкой ниткой старого шрама — первой платы за выживание. Тёмные пряди падали на плечи, но никогда не лезли в глаза. Привычка. Выучка.

Всё его тело говорило об одном: он воин.

Доспех

На нём был кожаный доспех насыщенного коричневого цвета — потертый, со следами сотен ударов, которые он принял и отбил. Кожа прошла особую обработку: жёсткая, но гибкая, старая, но надёжная.

Поверх — стальные пластины с патиной. Тёмный, почти чёрный металл тускло блестел в свете факелов. Грудь прикрывал наборной нагрудник из перекрывающихся полос, склёпанных заклёпками с руническими узорами. Плечи защищали крупные металлические диски — не мешали движению, но держали удар секиры.

Рукава — толстая кожа, усиленная стальными накладками вдоль предплечий. Перчатки с пластинами на костяшках. Широкий пояс с массивной пряжкой стягивал талию, а ниже — юбка из металлических полос прикрывала бёдра.

Заклёпки и крепления были стилизованы под старинные руны. Не магия — память. Каждая заклёпка могла рассказать о битве, в которой побывал её хозяин.

Доспех не блестел. Не сверкал. Он был настоящим — поношенным, рубленным, с чёрными потёками в углублениях, где когда-то засыхала чужая кровь.

Такой не носят парадные герои. Такой куётся в боях и оплачивается шрамами.

Оружие и стиль

Он учился всему. Копьё, меч, топор, секира — брал в руки любое оружие, и оно становилось продолжением его воли.

Но любимым стала цепь-кинжал.

Пять клинков, соединённых гибкой, но прочной стальной вязью. На одном конце — тяжёлое шило, на другом — зазубренный крюк. Раскрученная, она превращалась в смертельный круг, который нельзя было преодолеть. Противник оставался на средней дистанции — слишком далеко для удара мечом, слишком близко, чтобы увернуться от летящего лезвия.

Матвей разработал свой стиль.

Он вплёл в него ярость — ту самую, что копилась шестнадцать лет за ледяной стеной внутри. Силу — сухую, жилистую, не бросающуюся в глаза, но ломающую рёбра с одного удара. Ловкость — цепь плясала вокруг него, как живая, подчиняясь едва заметным движениям запястий.

Старшие охотники смотрели на его тренировки и молчали.

— Тень той трагедии, — сказал однажды старый наставник. — Тьма породила его, чтобы он стал её погибелью. Или её частью.

Матвей не слышал этих слов. Или делал вид.

Он знал только одно: каждая ночь для него — война. Каждая тварь, убитая им, приближает его к цели.

Отмщение.

Не за деревню. Не за мать, чьё холодное, тяжёлое тело он помнил до сих пор — оно придавило его к печи, спасло, заслонило собой от тьмы.

За себя. За того мальчика с чистыми глазами, который умер в ту ночь, пока этот мужчина учился убивать.

Он останется. Пока последняя тварь не сдохнет.

Пока в мире не останется ни одного выродка, способного выть на луну у чужого порога.

Только тогда Матвей позволит себе выдохнуть.

Крик воеводы разрезал тренировочную площадку, как раскалённый нож — масло.

— Матвей!

Гул голосов стих. Тренировочные схватки замерли. Все взгляды устремились на старого воина с лицом, исполосованным шрамами. Того самого, кто когда-то вытащил мальчика из кровавой избы у Серебряного озера.

— Там, на гарнизонах, в Дальняке, укрывается тьма, — голос воеводы был глухим, как удар булатной стали о мёрзлую землю. — Отправляйся!

Матвей не стал спрашивать «почему я». Не стал уточнять детали.

Он ловким, отточенным движением скрутил цепь-кинжал в тугую спираль. Лезвия легли на локоть, шило щёлкнуло о пряжку пояса, фиксируя оружие в походном положении. Весь жест занял не больше секунды.

— Отправляюсь, — бросил он, разворачиваясь.

И поспешил собираться. Торопливо, но без суеты. Каждая вещь знала своё место. Каждая пряжка была проверена ещё вчера. Охотник, который собирается в путь долго — мёртвый охотник.

В дороге он не сводил взгляда с Дальняка.

Чёрная точка на горизонте росла медленно — слишком медленно. Будто сама тьма не хотела его приближать. Ветер дул с той стороны, и Матвей ловил его ноздрями. Пахло гарью. Металлом. И ещё чем-то сладковато-приторным — запахом, который он знал слишком хорошо.

Смерть.

Не та, что приходит в старости у постели. Та, что приходит из тёмных углов, на четырёх лапах, с когтями и клыками, воняющая гнилью и болотом.

Матвей стиснул зубы и ускорил шаг.

Цепь на поясе тихо позвякивала в такт его ходьбе. Кинжалы ждали.

Глава 3. ТЬМА ВО МНЕ

Дальняк встретил его тишиной.

Не той, когда всё живое затаилось перед бурей. А той, когда живого не осталось вовсе. Ворота гарнизона были распахнуты настежь — створки висели на одной петле, почерневшие, будто их лизало открытое пламя. Запах ударил в лицо за десять шагов.

Матвей знал этот запах. Медь. Гниль. Сладкая горечь разложения.

Он вошёл внутрь, и цепь на поясе тихо звякнула — предвкушая.

Следить оказалось нетрудно.

Слишком нетрудно.

Кровь была везде. На снегу — чёрными пятнами, на стенах — размашистыми потеками, на створках ворот — отпечатками ладоней тех, кто пытался уползти, зажать рану, позвать на помощь. Не позвали. Не уползли.

«Слишком много крови для одного», — подумал Матвей, опускаясь на корточки. — «И слишком мало тел».

Он провёл пальцем по тёмной луже. Застыла. Значит, прошло несколько часов. Не больше. Он ещё мог успеть.

Части тел. Вот то, что осталось от караульного у ворот — только плечи и обрывок плаща, зацепившийся за косяк. Всё остальное — где-то дальше, по дороге вглубь гарнизона. Тварь не жрала на месте. Она тащила добычу за собой.

«Умная», — отметил Матвей. — «Или голодная. Или и то, и другое».

Он поднялся, оглядываясь.

Ни одного следа борьбы. Мечи так и остались в ножнах у тех, кто упал первыми. Арбалеты — не взведены. Кто-то даже не проснулся — лежал в своей постели, разрезанный от горла до паха, с закрытыми глазами и спокойным лицом.

«Тихая», — внутренний голос Матвея работал холодно, без эмоций, разбирая картину по костям. — «Бесшумная. Нападала из темноты, пока они спали. Первыми убила часовых — поэтому никто не поднял тревогу».

Он нашёл того, кто пытался защищаться. Тело мужчины лежало у колодца, прижатое к срубу. Меч выбит из руки и отброшен на три шага. Грудная клетка вмята внутрь — так, будто по ней ударили бревном.

«Сильная. Очень. Один удар — и всё. Никакой возни».

Матвей присел над телом, всматриваясь в раны. Не когти. Не зубы. Удар тупым предметом — огромным, тяжёлым, с плоской поверхностью. Но вокруг — ни дубины, ни бревна, ни обломка стены.

«Ладонь», — понял он. — «Ударила ладонью. Размером с голову взрослого мужика. Может, больше».

Следы на снегу вели к амбару. Широкие, глубокие, между ними — почти три шага. Тварь была огромной. Неуклюжей? Нет. Следы ровные, не сбивчивые. Она шла спокойно, уверенно, зная, что никто не сможет ей помешать.

«Ростом выше человека минимум вдвое. Руки длинные — до колен, а то и ниже. Идёт на двух ногах, но может встать на четвереньки — следы рядом с амбаром стали мельче, шире. Лесная. Из хвойных чащоб, не из болот. От неё пахнет...»

Матвей принюхался, и горло сжалось.

Мхом. Старой, гнилой древесиной. И кровью — свежей, ещё тёплой, смешанной с чем-то кислым, желудочным.

«Людоед», — закончил он. — «Из тех, кто живёт в глухих лесах. Кто не боится человека, потому что никогда не видел в нём угрозы. Только добычу».

Он снял цепь с пояса, бесшумно раскручивая кинжалы. Лезвия легли на предплечье, спрятанные под плащом. Шило на конце цепи волочилося по снегу — Матвей подобрал его, зажав в кулаке.

— «Выходи», — мысленно позвал он тьму, что пряталась в амбаре. — «Я не спешу. И ты не спеши. Будет больно — но быстро. Обещаю».

Тишина в ответ не дрогнула.

Но Матвей знал — она слышит.

Дверь амбара сорвало с петель ударом изнутри.

То, что вышло наружу, не было человеком. Никогда не было.

Огромное. Под два с половиной метра ростом, с широкими, покатыми плечами, покрытыми не шерстью — корой. Тёмно-серой, потрескавшейся, с зеленоватым налётом мха в углублениях. Голова — непропорционально маленькая, втянутая в плечи, без шеи. Глаза — жёлтые, с вертикальными зрачками, светящиеся в темноте тусклым болотным огнём.

Руки. Длинные, до колен. Пальцы — толстые, с когтями, похожими на обломанные корневидища. На правой — не хватало мизинца. Зажило давно, ещё до того, как тварь пришла сюда.

Из пасти — а пасть была широкой, почти во всю голову, с редкими жёлтыми клыками — вырвался не рык. Хрип. Мокрый, булькающий, смешанный с паром.

Тварь не спешила. Она смотрела на Матвея, и в её глазах не было страха. Только голод. Старый, выношенный, всепоглощающий.

«Ты уже убила здесь», — подумал Матвей, сжимая цепь. — «Но этого тебе мало. Ты всегда хочешь больше. Я знаю таких».

Он шагнул вперёд.

Цепь взвилась в воздухе.

Кинжалы запели свою смертную песню.

Тварь рванула первой.

Без рыка, без предупреждения — просто сорвалась с места, как сжатая пружина. Снег взметнулся из-под её широких лап, и огромное тело понеслось на Матвея с такой скоростью, какой не ждёшь от такой громадины.

Матвей не отступил.

Цепь взвилась в воздухе, кинжалы сверкнули в лунном свете. Он раскрутил её так, что лезвия слились в сплошное серебряное кольцо — и в нужный миг выпустил.

Первый кинжал вошёл твари в плечо. Второй — в бок. Третий, зазубренный, вонзился в бедро, зацепившись за мышцу.

Тварь даже не зарычала. Только дёрнулась, сбиваясь с бега.

Матвей скользнул мимо неё по снегу — низко, почти на корточках, используя инерцию своего же броска. Цепь натянулась, вырывая кинжалы из ран, и охотник потянул её к себе, готовясь к новой атаке.

Но тварь оказалась быстрее.

Огромная лапа метнулась вниз, схватила цепь посередине и дёрнула вверх. Матвей не успел отпустить — его оторвало от земли, как щепку. Воздух свистнул в ушах. Мир перевернулся.

И тяжёлый удар — спиной об землю, так, что из лёгких вышибло воздух.

Он покатился, поднимаясь, цепь всё ещё была зажата в руке. Тварь уже наступала.

«Сильнее, чем я думал», — мелькнуло в голове.

Матвей рванулся вперёд, раскручивая цепь над головой. Но теперь он не целился. Он крутил её так, что свист перешёл в вой — и в прыжке перехватил иначе, корпусом разворачивая оружие в спираль. Кинжалы закрутились быстрее, ту же, превращаясь в живой смерч.

Он выпустил цепь не в сторону твари — вверх.

Смерч из лезвий рухнул на тварь сверху. Первый кинжал вошёл в шею, второй — в ключицу, третий и четвёртый — в грудь. А шило на конце цепи, пробив кожу-кору, вошло в живот твари по самую рукоять.

Чёрная, густая кровь брызнула на снег.

Матвей уже был рядом.

Он не ждал, пока тварь упадёт — он взобрался на неё, цепляясь за торчащие из тела кинжалы, перехватывая цепь, перекидывая через плечо. Одно движение — и цепь обвила голову твари, кинжалы заскрежетали о её корявую кожу.

Тварь забилась.

Она не пыталась сбросить его. Она побежала.

Огромная, раненая, истекающая чёрной кровью, она рванула вперёд с дикой, панической силой. Матвей повис на её шее, зажав цепь в кулаках, — его тащило, мотало из стороны в сторону, но он не отпускал.

Впереди был забор. Часток из толстых, заострённых брёвен.

«Таран», — понял Матвей в последний миг. — «Она использует меня как таран».

Он не успел спрыгнуть.

Удар — тварь влетела в забор плечом, и Матвей, сидящий у неё на загривке, принял весь удар на себя. Брёвна разлетелись в щепки. Боль вспыхнула в рёбрах, в плечах, в позвоночнике. Он зарычал сквозь стиснутые зубы, но цепь не разжал.

Тварь выбежала за пределы гарнизона.

Лесная чаща приняла их обоих — огромное чудовище и человека, вцепившегося ему в загривок. Сучья хлестали по лицу, ветки рвали одежду, но Матвей не видел ничего, кроме тёмной, корявой шеи перед собой.

Тварь замедлилась. Кровь текла из ран, силы покидали её.

Матвей подтянулся выше, затягивая цепь ту же.

— Куда собрался, леший? — прохрипел он, и в голосе его не было ни страха, ни злости. Только холодная, вымораживающая насмешка. — Никак, домой? Не дойдёшь.

Цепь дёрнулась.

Кинжалы вошли глубже.

И огромное тело рухнуло в снег, поднимая облако чёрной, липкой пыли.

Матвей вытащил кинжалы из туши с глухим, влажным хрустом.

Кровь — чёрная, густая, пахнущая болотом и старым мясом — брызнула из ран, заливая рукава. Он выпрямился, с трудом разгибая спину. Рёбра ныли. Плечо, которым он встретил забор, горело огнём.

Он встал к монстру спиной, отряхивая цепь.

И ощутил, как над ним возникла тень.

Не от дерева. Не от облака. Живая. Тяжёлая. Дышащая холодом в затылок.

— Ещё живой? — мысль не успела оформиться до конца.

Удар — одним движением, без замаха, без предупреждения — сбил его с ног. Матвей пролетел несколько метров, тормозя спиной по снегу, взрывая его лопатками. Позвоночник застонал, но не сломался. Он перекатился, вскакивая на одно колено.

Леший уже был рядом.

Один шаг — и огромная лапа обрушилась на то место, где только что была его голова. Снег разлетелся фонтаном, земля под ним промялась на ладонь глубиной.

— Раздавит, — понял Матвей.

Увернулся. Второй удар — мимо. Третий — скользнул по касательной, только задев плечо.

Он отпрыгнул, и в тот миг, когда сердце пропустило удар, Матвей командовал себе:

«Разгон. Первая ступень».

Кровь зациркулировала быстрее. Жар разлился по венам. Мир стал чётче — каждое движение твари, каждый срыв её мышц, каждый вдох.

«Вторая».

Сердце забилось как бешеное. Виски сдавило. В ушах зашумело.

Он перешёл в атаку.

Цепь взвилась — не в сторону твари, а в противоположную. Рывок. И в тот же миг шило на конце цепи, описав дугу, вонзилось лешему в бок — с другой стороны, откуда тот не ждал удара.

Свист — и цепь вернулась в руку. Матвей раскрутил её снова, ударил как плетью — лезвия рассекли корявую кожу на спине. Ещё удар — кинжалы впились в плечо. Ещё — шило полоснуло по рёбрам.

Он бил с разных сторон, меняя траекторию в воздухе, заставляя цепь петь свою смертную песню. Тварь металась, пытаясь поймать неуловимого охотника, но её лапы хватали только воздух.

Матвей ускорялся. Каждый удар был быстрее предыдущего. Каждое движение — точнее.

Цепь с воем обвила ствол старой сосны, натянулась — и в тот же миг шило, сорвавшись с противоположного конца, вонзилось лешему в висок.

Глухой, дробный хруст. И чваканье — влажное, тошнотворное.

Глаза твари — жёлтые, с вертикальными зрачками — начали тускнеть. Свет в них угасал как свеча на ветру.

Матвей не остановился.

Он всем корпусом развернулся, вкладывая в движение всю силу — разогнанную, помноженную на ярость и боль — и рванул цепь вверх.

Голова лешего отделилась от тела.

Вместе с ней — кусок хребта, вырванный из плоти с мясом, с треском ломающихся позвонков. Чёрная кровь хлынула из обрубка шеи, заливая снег. Тело твари ещё секунду стояло — и рухнуло, подняв тучу ледяной крошки.

Голова упала на снег и покатилась, оставляя тёмный след.

Матвей стоял, тяжело дыша. Цепь в его руке дымилась. Плечо горело. Рёбра ныли. Кровь — чужая, чёрная — текла по лицу, смешиваясь с потом.

Он смотрел на то, что осталось от лешего.

— Тьма во мне, — прошептал он.

Не потому, что чувствовал её. А потому, что знал — только тьма могла породить такое. И только тьма могла его остановить.

Но сегодня победила не тьма.

Он убрал цепь, перешагнул через тушу и пошёл назад в гарнизон.

Там ждали живые. Те, кого тварь ещё не нашла.

Или те, кто был жив, когда он пришёл.

Он не знал. И не хотел знать.

Глава 4. КТО ТЫ ТАКОЙ?

Матвей вышел из леса, и холод ударил в лицо с новой силой.

Туша лешего осталась далеко за спиной, но запах крови — чёрной, болотной — всё ещё стоял в ноздрах. Доспех, залитый ею, застывал на морозе, стягивая кожу.

Плечо ныло. Рёбра отзывались глухой болью на каждый вдох.

Но он шёл ровно, не хромя, не замедляясь. В гарнизоне могли быть живые. Он должен был проверить.

Двор гарнизона встретил его мёртвой тишиной. Она давила сильнее, чем любой крик.

Матвей уже хотел свернуть к казарме, как вдруг замер.

С неба начали падать редкие, крупные снежинки.

— Снег пошёл? — вырвалось у него.

Среди разбитых бочек, опрокинутых телег и чёрных пятен крови стояла фигура.

Огромная. Выше любого человека, которого он видел.

Плечи — шириной с телегу. Белая шерсть колыхалась на ветру — длинная, густая, с седыми прядями на загривке.

— Да ты прав, — пророкотал низкий, раскатистый голос. — Снега не было. Я с гор его принёс.

Матвей мгновенно сконцентрировался.

Пальцы сами нащупали звено цепи, лезвия тихо звякнули, готовые сорваться.

Взгляд — холодный, цепкий — скользнул по фигуре: рост, дистанция, оружие, уязвимые места.

Медведь развернулся.

Не спеша. Не угрожающе. Просто повернулся, заноса на плечо огромную секиру.

Лезвие тускло блеснуло в лунном свете, покрытое рунами, которые, казалось, жили своей жизнью.

— Моё имя Сиволапый. Я — древний страж на границе миров.

Матвей фыркнул.

Ему было не по плечу разговаривать с нелюдьми, но он не умел по-другому.

— Это мы ещё посмотрим! — бросил он.

Цепь сорвалась с руки.

Первый удар — быстрый, режущий, целящий в шею.

Сиволапый даже не взглянул. Просто повернул корпус — плавно, будто танцевал, — и лезвия просвистели в ладони от его головы.

— О как? — вырвалось у Матвея.

— Убери железку, мальчишка, — сказал Сиволапый без тени угрозы. — А то поранишься.

Матвей уже не слушал.

Ярость поднялась из груди. Он сблизился, цепь вращалась вокруг него, готовая ударить с любой стороны.

Сиволапый не двинулся с места. Просто выставил древко секиры.

Матвей запнулся — нога врезалась в дерево, тело потеряло равновесие, и он проскользил по снегу, разбрасывая ледяную крошку.

Цепь вылетела из рук, но он поймал её на лету, раскинул кинжалы в стороны и, как сжатая пружина, влетел в Сиволапого.

В его кулаке находилось шило — острый наконечник цепи, заточенный так, что рассекал даже старую броню.

Время будто зависло.

Снежинка — огромная, редкая — медленно падала прямо на лезвие.

Шило делило её на две идеальные половины.

Сиволапый смотрел на эту снежинку.

На его медвежьей морде мелькнуло не страх — любопытство.

Секира взметнулась, отбивая шило в сторону. Древо — толстое, окованное сталью — ударило Матвея в живот.

Мир лопнул.

Его отбросило назад. Он приземлился на четвереньки, кашлянул, и из горла выплюнул тёмную, вязкую кровь.

— Кто ты такой? — спросил он, поднимая голову. — Волкодлак? Берендей? На волхва ты не сильно похож! — язвительно произнёс он.

Сиволапый медленно опустил секиру, втыкая её в снег.

— Я уже сказал. Сиволапый. Страж границы.

Он наклонился к Матвею. Из пасти пахло сосной и старым мёдом.

— А вот ты, мальчик ты, человек с редким даром! Ходишь тут, размахиваешь им попусту. Я вижу в тебе то, что другие не в силах увидеть.

Сиволапый выпрямился.

— Когда-то я тоже был человеком. Но тьма, которой я противостояю, слишком велика для человеческого лика. Была там одна умелица скрестила меня с медведем древней магией — в насмешку богам. Вот теперь хожу, мёд попиваю. Да род людской оберегаю.

Он покачал головой.

— Тебе ещё повезло. Я часть людей отсюда вывел.

Тут до лешего другие были. Резали, кололи, вспарывали. Как будто в такой же броне, как у тебя.

Я вывел тех, кого смог спасти.

— Я думал, такие как ты живут в берлогах да лесах густых, — язвительно бросил Матвей, показывая, что не выносит подобных созданий.

Сиволапый уже шёл вперёд, не оглядываясь, ломая лапами покорёженные створки ворот.

— И цепь убери, — бросил через плечо. — Со мной не пригодится.

Матвей медленно скрутил кинжалы, убирая оружие на пояс, и пошёл следом.

Снег под ногами хрустел — настоящий, горный, пахнувший сосной и холодом.

— Куда ты их вывел? — спросил Матвей. — И как знал об опасности?

— По медвежьим тропам. В город Тормир. Что раскинулся возле гор.

Сиволапый помолчал, и в его голосе проступила тихая, давняя боль.

— Город, в котором я жил до того, как стал стражем.

— Жил давно, — невесело усмехнулся Матвей. — Ещё до того, как бабка-ведунья решила, что миру нужен полумедведь на границе миров.

Он остановился, поднял с земли комок снега, сжал в лапе.

Снег не таял. Будто боялся.

— Тормир — место древнее. Там руда светится. Руда, что заряжается аганитом.

Из неё выкованы ваши клинки. Те самые, что режут навь.

Матвей машинально коснулся пояса, где висела цепь.

— Я думал, это легенды.

— Легенды — это то, во что перестают верить, — сказал Сиволапый. — А я видел эту руду своими глазами.

Тормир стоит на сплаве кристаллизаций Оберегов. Потому тьма, что ширится, придёт сюда первым делом.

Он развернулся и посмотрел прямо на Матвея.

В его маленьких, умных глазах не было насмешки.

— Ты хочешь отмщения. Я понимаю. Но отмщение без знания — это просто убийство. А знание — в Тормире. В рунах на стенах. В камнях, которые помнят голоса мёртвых.

Он протянул лапу. Огромную, с когтями, похожими на обломки скал.

— Придешь — покажу. Если, конечно, твоя ярость не сожрёт тебя раньше.

Матвей смотрел на эту лапу, на медведя, который когда-то был человеком, на снег, который шёл там, где его не должно было быть.

И не знал, что ответить.

Сиволапый сомкнул лапу.

Из-под когтей, между грубыми, потрескавшимися пластинами, вспыхнул маленький цветочек, сотканный из энергии севера.

Он светился ровно, как далёкая звезда в морозную ночь, и от каждого дуновения ветра звенел — тонко, едва слышно.

Матвей не хотел брать его.

Что-то внутри противилось — принимать дары от нелюдя, от того, кто говорил загадками и смотрел слишком глубоко.

Но рука протянулась сама.

Взяла.

Лёгкий. Холодный. Живой — бился в ладони, как сердце пойманной птицы.

— Что это?

— Жест доброй воли. Мой маленький дар, — сказал Сиволапый. — Не впадай в ярость, Матвей. Она сжигает изнутри. Я знаю.

Медведь разжал когти и шагнул назад.

— Иди ты со своими поучениями, на хер — начал Матвей, но не договорил.

Мир вокруг дёрнулся, поплыл.

Холод обжёг лицо. Снег взметнулся вихрем, и сквозь белую пелену он успел увидеть, как Сиволапый растворяется в сумерках.

А потом — тишина.

Матвей моргнул.

Вокруг — знакомые стены тренировочного лагеря. Факелы, тепло костров, голоса охотников, спорящих о чём-то своём, обычном, человеческом.

Он разжал ладонь.

Цветок исчез.

На его руке — на пальцах, на запястье, на сгибе локтя — остался тонкий, мерцающий слой инея.

Он не таял. Он дышал — холодом, древностью, обещанием.

Матвей потёр пальцы.

Иней не сходил.

Будто медведь пометил его. Своим. Навсегда.

Он спрятал руку под плащ, сжал челюсти.

«Резали, кололи, вспарывали в такой же броне, как у меня?» — мысль ударила под дых и застряла там, ледяным комом.

Он не знал, верить ли медведю. Но тот не врал. Слишком просто и больно звучали его слова.

Матвей не нашёл, что ответить.

Только сжал челюсти сильнее и шагнул в сторону костров, где горел огонь, спорили люди и пахло не кровью — дымом и живым теплом.

Высоко на вершине скал, где снег не таял даже в полдень, а ветер выл как раненый зверь, тень смотрела вниз.

Она не имела формы. Не имела лица. Она была сгустком тьмы, более чёрной, чем ночь вокруг.

Она следила за старым стражем, который медленно брел по заснеженному склону, подальше от разрушенного гарнизона.

— Ты, — прошептала тень. Голос её был тихим, но каждое слово вгрызалось в скалы, оставляя на камне тонкие, чёрные трещины.

Пауза.

— Много раз ты срывал мои планы.

Ещё одна пауза. Тень сжалась, будто в усмешке.

— Но того, кого ты пытаешься защитить — голос стал тише, почти ласковым, отчего сделался ещё страшнее, — уже попался в мои сети.

Тень начала таять, растворяясь в черноте между скал.

Глава 5. УЗЫ

Матвея вызвали на совет на рассвете.

Он не спал. Иней на руке мерцал в темноте, не давая сомкнуть глаз. Цветок исчез, но холод остался — вьелся под кожу, засел в костях. В пещере пахло сыростью, старым дымом и чем-то кислым — потом и страхом, который не выветривается даже после многих битв.

— Отвечай по-совести, — старейшина сидел во главе длинного стола. Его лицо скрывала тень от капюшона, пальцы, униженные старыми шрамами, барабанили по дереву. За окном выл ветер, и Матвей слышал, как потрескивают угли в жаровнях.

Он выпрямился.

— Леший уничтожен. Часть гарнизона жива. Они в городе Тормире.

— Часть, — голос старейшины стал тише, опаснее. — Сколько?

— Две трети.

— Две трети, — повторил он, будто пробуя слова на вкус. — Ты считаешь это успехом, Матвей?

Матвей молчал. Потому что ответ «я спас тех, кого мог» застрял в горле. Старейшина не хотел слышать правду. Он хотел цифр. Идеальных. Невозможных.

Матвей поднял голову. Взгляд его стал холоднее.

— Не все враги приходят с когтями, — сказал он тихо, почти вкрадчиво. — Некоторые приходят в доспехах и с чистыми руками.

Он не отвел глаз. В его голосе сквозила едва скрытая усмешка — та, которой он редко позволял себе пользоваться перед старшими.

Старейшина замер на мгновение. Пальцы перестали барабанить по столу.

— Ты на что намекаешь, охотник? — голос его стал тише и опаснее.

— Ни на что, — Матвей пожал плечами, но усмешка не сошла с его лица. — Просто констатирую. В гарнизоне не было следов ни одной твари. Только люди. Свои.

В горле пересохло. Слова давались тяжело, но он их не проглотил.

Старейшина долго смотрел на него — так, что Матвей услышал, как потрескивают угли в жаровне. Запах дыма и старой кожи ударил сильнее.

— Ты на грани, охотник, — наконец произнёс тот.

Матвей не ответил.

И в тот миг он услышал.

Не голос старейшины. Не скрип половиц.

Шёпот.

Тонкий, едкий, как запах гари после боя. Он вился у самого уха, скользил по затылку холодным пальцем. Матвей не разобрал слов — только интонацию. Сладкую. Ядовитую. Обещающую что-то, чего он не хотел.

Мир дёрнулся.

Крик.

Снаружи — короткий, захлёбывающийся. Не боевой. Предсмертный.

Люди забегали. Кто-то схватился за оружие, кто-то побежал к выходу. Матвей рванул первым, отшвырнув скамью. Запах страха ударил в ноздри — кислый, липкий, невыносимый.

Тело лежало у конюшни.

Свой. Охотник. Имя вылетело из головы — Матвей видел его всего раз, на тренировке. Молодой. Быстрый. Горячий.

Теперь — мёртвый.

Грудная клетка вмята внутрь, как от удара бревном. Бой был коротким — ни одного следа борьбы. Трава вокруг примята, но не вырвана.

«Не ожидал удара», — понял Матвей. — «Доверял тому, кто убил».

— Следы есть? — спросил подошедший сотник. От него пахло конским потом, железом и тревогой.

Матвей покачал головой. Кровь на траве. Вмятина в земле. Больше ничего. Ни когтей, ни чешуи, ни гнилой слизи.

— Человек, — сказал он. — Или тот, кто был человеком, — добавил сотник.

Ветер подул с севера. Холодный. Колючий.

— Бросай, — голос сотника отрезал мысли. — Этим займутся воины посильнее тебя. У тебя другие дела.

Матвей поднял голову.

— Какие?

— Тормир. Проследи, чтобы выжившие добрались. И узнай, почему город до сих пор не ответил на наши вестonosцы.

Матвей хотел возразить. Сказать, что убийца среди них. Что нельзя уходить, пока

— Это приказ, — сотник развернулся. — Не здесь и не сейчас, — бросил он и ушёл в темноту, не оглядываясь.

Матвей остался стоять над убитым.

Иней на руке горел холодом.

«Неладное здесь», — подумал он. — «И оно не снаружи пришло. Оно уже внутри».

Он посмотрел на лагерь. На знакомые лица, которые вдруг стали чужими. На каждого, кто мог оказаться тем, кого шёпот называл своим.

И пошёл собираться в дорогу — нехотя, словно каждое движение давалось через силу. Пальцы не слушались, сжимая пряжки. Внутри всё кипело, но он заставлял себя двигаться, потому что другого выхода не было.

Матвей уже затягивал последнюю пряжку на поясе, когда тяжёлая ладонь легла ему на плечо.

Сотник.

Старый, шрамовый, с глазами, которые видели больше, чем могли выговорить губы.

Он молчал долго — так, что Матвей услышал, как догорают угли в ближайшем костре.

— Держи.

В ладонь лег мятый, тёплый пергамент. Пальцы сотника пахли дымом и старой кожей.

— Когда будешь возле Тормира прочтёшь.

Матвей хотел спросить «почему не сейчас», но сотник уже развернулся и ушёл в темноту, не оглядываясь.

Остались только пергамент и холодная, тягучая тревога.

Два дня пути.

Матвей почти не отдыхал. Спал урывками — прислонившись к дереву, сжимая цепь в руке. Иней на коже не таял. Иней на коже горел — не больно, а настойчиво, будто вёл его за собой.

К ночи первого дня поднялась метель. Снег летел не хлопьями — колючей, злой крупой, хлестал по лицу, лез за шиворот. Матвей сбился с тропы дважды, брёл почти на ощупь, выставив перед собой руку с мерцающим инеем, как факел. Ветер выл так, что, казалось, сама земля стонала.

Он нашёл укрытие под нависшей скалой — узкую расщелину, где снег не доставал. С трудом развёл костёр: руки дрожали от холода, трут никак не хотел разгораться. Когда наконец вспыхнули первые сухие ветки, Матвей привалился к камню и долго смотрел на огонь, не в силах ни о чём думать. Только тепло и свет.

Он грел руки, сжимая заледеневшие пальцы, слушал, как шипят дрова, и чувствовал, как боль понемногу отпускает. Где-то далеко, за стеной снега, выли волки. Или не волки. Матвей не проверял. Он просто сидел и дышал.

На рассвете метель стихла, но небо оставалось тяжёлым, свинцовым. Снег скрипел под ногами, и этот звук казался единственным живым в мёртвом лесу. Матвей шёл, не останавливаясь, не позволяя себе замёрзнуть. Когда пальцы немели, он растирал их, сжимал и разжимал кулаки, пока боль не возвращалась. Когда начинало клонить в сон, он заставлял себя идти быстрее, цепляя пряжками доспеха замёрзшие ветки.

К вечеру второго дня он выбрался к подножию холма. Внизу, в дымке, угадывались огни — не костры, а ровное, зеленоватое свечение, похожее на северное сияние, прибитое к земле.

Город Тормир открылся с вершины холма.

Древние стены. Светящиеся прожилки в скалах — руда, та самая, что заряжается аганитом. Город переливающегося огня.

Матвей остановился на краю обрыва. Иней на руке больше не светился.

Он достал пергамент. Развернул.

Буквы прыгали перед глазами — не от усталости. От древнего, почти забытого начертания.

На пергаменте:

Матвѣе. Въ рядѣхъ ордена ползѣтъ жгѣтѣя тѣни. Виждѣ а. Чѣствѣ а. Метка на рѣцѣ твоѣи — не чждо. Азъ просилъ есмь стараго стража о защитѣ твоѣи. И нынѣ вѣмѣ: единая вѣра въ лучшѣе — то еси ты.

Перевод:

«Матвей. В рядах ордена ползут жгучие тени. Я вижу их. Я чувствую их. Метка на руке твоей — не случайность. Я просил старого стража о защите твоей. И теперь знаю: единственная вера в лучшее — это ты.»

Матвей перечитал дважды. Трижды.

Пергамент дрожал в пальцах. Ветер выл в ущелье, срывая снег с вершин.

«Вера в лучшее — это ты.»

Он спрятал письмо за пазуху.

И пошёл вниз, к воротам Тормира.

Цепь на поясе тихо позвякивала.

По дороге он пытался собрать обрывки.

Сотник. Старейшина. Шёпот. Тело охотника, которого убили своим же оружием — без борьбы, без защиты. Словно он верил убийце. А потом — этот полумедведь, Сиволапый. Страж границы. Он говорил загадками, но не врал. Слишком просто и больно звучали его слова.

Матвей чувствовал — всё это связано. Иней на руке. Убийство. Тени, о которых писал старейшина.

Он не понимал всего. Но одно знал точно: тот, кто был человеком, а теперь стал полумедведем — тот, кто смотрел на него ледяными глазами и называл себя стражем, — тот должен знать.

Матвей ускорил шаг. Вопросы жгли изнутри сильнее, чем холод.

За его спиной, в тени скал, что-то шевельнулось. То ли ветер. То ли взгляд.

Глава 6. ГОРОД ПЕРЕЛИВАЮЩЕГОСЯ ОГНЯ

Матвей вошёл в Тормир, когда солнце уже коснулось вершин гор.

Внутри город жил.

Не той тревожной, затаившейся жизнью, как в лагерях охотников. А настоящей — шумной, яркой, почти вызывающей.

Везде, куда ни глянь, светилась руда. Она была вплавлена в стены домов, в мостовую, в фонарные столбы. Мягкий, зеленовато-голубой свет струился из каждого камня, будто сам город дышал северным сиянием. Недаром в народе его называли Тормиром — Городом Светящихся Жил.

Дома здесь лепились друг к другу, но не теснились — стояли ладно, с толком. Нижние этажи — из дикого камня, тёмного, с рыжими прожилками; верхние — из тёмного же бруса, с узкими окнами-бойницами, за которыми угадывалось тепло свечей. Крыши — крутые, из почерневшей дранки, кое-где поросли мхом. Над некоторыми поднимались коньки в виде звериных голов — волчьих, медвежьих, петушиных. Смотрели они с высоты на улицы, будто живые, будто сторожили город от лиха.

Кое-где меж домами вились крытые переходы — деревянные, резные, с лепниной, где руны переплетались с виноградными лозами и солярными знаками. По ним, говорили, ходили городские стражники, а в непогоду — и простой люд, чтобы не мочить ноги в грязи.

Кузни работали даже ночью. Молоты били в такт, искры взлетали выше крыш, смешиваясь с рудным светом. Стук металла, шипение воды, раскалённой добела, чей-то хриплый крик — «Поддай меха!» — всё это сливалось в железный, упрямый ритм, от которого, казалось, сам воздух вибрировал.

Над одной из кузниц висела вывеска с медведем, держащим молот. Глаза у медведя были из руды — они светились в темноте живым, насмешливым огнём. Матвей задержал взгляд на секунду — и вдруг почувствовал, что медведь ему подмигивает. Он покачал головой, отгоняя мороку.

Торговцы сворачивали лавки, но базар не пустел — его сменяли вечерние ряды: мясные, хлебные, травяные. Пахло копчёной рыбой, квашеной капустой, мёдом, жареным мясом — и ещё чем-то сладковатым, ягодным, что тянулось из-за угла, из тесной, прокопчённой харчевни. Гул голосов, скрип телег, звон монет, лай собак, детский визг — всё сливалось в сплошной, живой шум.

У входа в харчевню дымились котлы с похлёбкой, пахло луком и лавровым листом. Рядом пёкся хлеб — Матвей почувствовал, как свежая, хрустящая корочка хрустит на зубах, и понял, что голоден.

Тормир не спал.

Матвей шёл медленно, впитывая этот свет, этот шум, эту жизнь. После мёртвой тишины гарнизона, после снега и крови — здесь было почти неправдоподобно.

Он свернул на базарную площадь.

И застыл.

Девушка стояла у травяной лавки, перебирая пучки сушёных корней.

Она была невысокой, но ладной — не хрупкой, а скорее крепкой, как те, кто привык много ходить и работать руками. Плечи покатые, пальцы длинные, цепкие.

На ней был грубый плащ с накинутым капюшоном — ткань выщела и местами протёрлась до нитей. Из-под капюшона выбивались волосы цвета спелой пшеницы — густые, чуть выющиеся, непослушные. Она носила их в косе, но несколько прядей всегда выбивались и вились у висков.

Когда она повернулась, Матвей увидел глаза.

Миндалевидные. Зелёные.

Такие зелёные, что рудное сияние города померкло.

Лицо у неё было с мелкими, почти кукольными чертами: аккуратный нос, высокие скулы, чуть припухшие губы. Брови — тёмные, чуть сдвинутые к переносице, придавали лицу выражение вечной сосредоточенности. Кожа — бледная, с лёгким отливом молока, без румянца, какой бывает у деревенских девушек от печи и хлопот. Она казалась не то ведуньей, не то торговкой, не то кем-то, кто привык быть сама по себе.

Она что-то говорила торговцу — тихо, с нажимом, торгуясь за мешочек с травами. Она не спорила — сверлила его взглядом. Когда торговец начал загибать цену, девушка не стала пререкаться — просто развернулась и сделала шаг прочь. Тот окликнул её, сбавил цену. Она не обернулась. Прибавил ещё — тогда она остановилась, не поворачивая головы, и сказала:

— По рукам.

Её пальцы — тонкие, быстрые — перебирали монеты. В них чувствовалась лёгкость и в то же время цепкость хищницы, привыкшей считать каждую копейку.

Матвей стоял как вкопанный.

Цепь на поясе молчала. Иней на руке не жёг. Даже ветер, казалось, стих, чтобы не мешать ему смотреть.

«Старый страж говорил, — подумал он, — что в Тормире я найду не только ответы. Но он не говорил, что ответы будут смотреть на меня зелёными глазами».

Матвей мотнул головой, отгоняя глупую мысль. Какие, к лешему, ответы? Просто девушка. Просто торгуется. И взгляд ну, взгляд. Может, узнала охотника. Может, боится.

«А не ведьма ли она, часом?» — мелькнуло в голове.

Она подняла голову.

Их взгляды встретились.

На долю мгновения — не больше, чем нужно снежинке упасть на землю — девушка замерла. Её зелёные глаза расширились, будто она увидела не просто путника, а что-то знакомое. То, что ждала. Или боялась.

Потом капюшон упал ниже. Она опустила глаза, сунула мешочек в сумку и быстро пошла прочь, растворяясь в светящейся толпе.

Матвей хотел шагнуть следом. Но ноги не слушались.

Он стоял на базарной площади Тормира, среди рудного света и ночной суеты, и всё, что он мог — смотреть вслед пшеничным волосам, пока они не скрылись из виду.

— Кто ты? — прошептал он в пустоту.

Толпа не ответила.

Иней на руке вспыхнул — холодный, тревожный — и тут же погас.

Матвей посмотрел на свою ладонь. Он не знал, что это значит. Но чувствовал — эта девушка, эти глаза они как-то связаны с тем, что с ним происходит.

Он сжал цепь на поясе и шагнул в толпу.

Глава 7. ТЕНИ В ТОРМИРЕ

Выживших Матвей нашёл на окраине города, в старом складском квартале, где рудный свет был тусклым и редким. Они ютились в бывшей кузнице — человек двадцать, перепачканные сажей, с красными глазами, которые видели слишком много. Пахло здесь потом, горелой тканью и чем-то сладковато-кислым — хворобой, что приходит, когда люди долго живут в тесноте и страхе. Кто-то тихо постанывал, прижимая к груди перевязанную руку. Ребёнок плакал, уткнувшись в юбку матери — не громко, устало, будто привык, что никто не придёт на помощь.

Матвей вошёл тихо, осматриваясь. Рука сама легла на цепь — привычка.

Люди замерли. Смотрели на него — на доспех, на цепь, на холодное, обветренное лицо.

— Вы вы из ордена? — спросил кто-то из глубины. Голос дрожал.

— Да, — коротко ответил Матвей.

Тишина стала тяжёлой. Женщина, сидевшая ближе всех, вжалась спиной в стену. Мужик с перевязанной головой отодвинулся, заслонив собой девочку лет десяти.

— Не бойтесь, — сказал Матвей. — Я не причиню вам вреда.

— Говорили — прошептала старая женщина из угла. — Болтали люди, что в ордене нынче не всё ладно. Слышь, завелась там какая-то порча, что своих же режут, как баранов на заклании.

— Бабка, молчи! — одёрнул её кто-то.

— А чего молчать? — не сдавалась та. — Мой внук в гарнизоне служил. Письмо передал перед самой бедой: «В ордене, мол, нечисто, бабушка. Не верь никому в чёрных плащах». С тех пор ни слуху ни духу.

Матвей сжал челюсти. Сказать, что это неправда? Он и сам не знал. Старейшина, шёпот, убитый охотник у конюшни Своими руками, своим же оружием.

— Страж нас вывел, — подал голос молодой парень с подбитым глазом. — Белый медведь. Сказал: ждите здесь. Придёт кто-то. Не даст пропасть.

— И этот пришёл, — прошептала женщина, смотря на Матвея. — Орденский.

— Надеюсь, не за тем же, за чем те, другие? — спросил мужик, не убирая руки с топора.

Матвей медленно снял руку с цепи.

— Другие — это кто?

— А кто ж его знает, — мужик сплюнул. — Ходил тут один. В чёрном. Глаза — что угли, жуть нагонял. Требовал ведьму выдать. Спрашивал, не видала ли кто девку с пшеничными волосами.

Он понизил голос до шёпота:

— Глаза-то у него угольные, пустые. Словно вовсе не живой.

Матвей почувствовал, как иней на руке кольнул холодом.

Он не стал ничего объяснять. Просто спросил:

— Куда пошли?

— В горы, — ответил парень. — К мельнице. Старой. Там, говорят, тень завелась.

Матвей нашёл следы у старой водяной мельницы.

Чёрные пятна на камнях, поверх снега. Обгорелая трава торчала из-под наста, будто её жгли недавно. Запах — палёное, кислое — разъедал ноздри.

Матвей огляделся. Вокруг — ни звука. Только ветер выл в разбитых стенах.

«Здесь была борьба», — подумал он, проводя рукой по обугленному бревну. — «Она-лённые деревья, разбитые камни Она сражалась. Или с кем-то, или с чем-то. Или просто тренировалась. Но зачем в таком месте?»

Он присел на корточки, осмотрел следы на снегу. Глубокие, торопливые. Не его — чужие. И ещё какие-то — тяжёлые, широкие, будто волочили кого-то.

«Не одна она здесь», — решил Матвей. — «И тот, с чёрными глазами, не просто так её искал».

Он выпрямился, стяхнул снег с колен. Иней на руке кольнул холодом.

«Предупреждает? Или просто чувствует близкое?»

Матвей покачал головой, отгоняя мысли, и пошёл дальше.

Тормир остался за спиной. Дорога вела в горы.

Снег лежал плотно, наст хрустел под ногами. Ветер дул в лицо, бросая колючую крупу. Иней на руке разгорался, будто предупреждал.

«Может, вернуться?» — подумал он. — «Нет, поздно. Следы свежие. Она где-то здесь. И этот иней он не просто так горит».

Он потёр рукавом заледеневшие пальцы. Ветер завыл громче, бросив в лицо пригоршню снега. Матвей сплюнул, выругался сквозь зубы и шагнул дальше.

«Ведьма. Точно ведьма. Кто ещё мог уйти в такую погоду в горы? Только безумная или та, кому терять нечего».

Лес расступился неожиданно — будто кто-то раздвинул ветки руками.

Поляна. И на ней — она.

Девушка. Та самая, что исчезла в толпе Тормира. Без капюшона. Волосы цвета спелой пшеницы развевались на ветру. В руке — тёмная палочка с золотыми узорами, которые горели яростным зелёным светом.

Она стояла, сжав палочку, готовая к бою. Но не нападала первой. Ждала.

Матвей шагнул вперёд, цепь тихо звякнула на поясе.

— Я сразу понял, что ты ведьма, — сказал он. — Я сразу вижу, где человек, а где навья нечесть.

Её зелёные глаза вспыхнули.

— Я — не нечесть, — голос был тихим, но жёстким.

— Это мы ещё проверим, — ответил Матвей.

ДУЭЛЬ

Матвей атаковал первым.

Цепь сорвалась с руки, кинжалы запели, целя в плечо. Девушка отпрыгнула, взмахнула палочкой — веер зелёных искр рассёк воздух перед его лицом, заставив отшатнуться.

— Ты не понимаешь, — крикнула она. — Ты — часть этого. С самого начала.

Она не унималась. Атаковала снова — плотными сгустками зелёного пламени.

Матвей парировал цепью, отбивая летящие в него заряды.

— Во мне? Что ты несёшь, ведьма?! — удивлённо ответил он, уходя от очередного удара.

Из кончика палочки ударил плотный луч. Матвей обернулся через плечо — и увидел, как сосна за его спиной взорвалась щепками.

— Ничего себе мощь, — выдохнул он.

— Твои ответы кроются в самом тебе! — крикнула она. — Как ты этого не понимаешь?!

— Да я ведьма, что помогает людям! Мой род всегда был на страже, под защитой древнего стража. А вы, охотники, сбились со своего пути! Идёте умирать с горящими глазами под шёпот тьмы!

Матвей сузил глаза.

— Под какой шёпот тьмы?

— Тот самый, что разъедает разум, — ответила она, сжимая палочку. — Тот, что заставляет брата идти на брата.

Матвей сделал выпад. Девушка взмахнула палочкой, но он нырнул под искры, цепь обвила её запястье. Рывок — палочка вылетела из руки, отлетев в снег.

Она потеряла равновесие. Он подхватил её за талию, приставил кинжал к горлу, слегка надавив.

Снег летел над ними. Иней на его руке коснулся её щеки.

— Ты знаешь старого стража? — спросил Матвей.

— Знаю, — тихо ответила она. — Очень давно.

— Мне его надо найти. Если ты, как говоришь, за людей — веди меня к нему.

Она смотрела на него долго, не отводя глаз.

— Сиволапый живёт там, где время течёт иначе, — сказала она наконец. — Ты не найдёшь его, пока он сам не захочет.

— Интересно, — сказал Матвей.

Он убрал кинжал, отпустил её.

Она отшагнула, поправила плащ. Помолчала.

— Имя-то скажи своё?

— А тебе зачем? — спросил Матвей. — Навья нечесть — имя не требуется.

— Ну как знаешь, — усмехнулась она.

Щёлкнула пальцами.

Мир дёрнулся. Холод обжёг лицо.

«Сейчас отправит», — успел подумать Матвей. — «И даже пикнуть не даст».

— Ой, идите вы — выдохнул он.

И открыл глаза.

Лагерь. Факелы. Крики охотников у костров. Всё то же самое.

Иней на руке погас. В груди зияла глухая, тяжёлая пустота.

Она говорила про вершину. Про тёмный лик. Про то, что сама пришла за тенями. Магия её была настоящей.

«Твои ответы кроются в самом тебе», — всплыло в голове.

«Как так — во мне?» — подумал Матвей. — «Я ничего не знаю ни о какой тьме».

Но она не врал. Он чувствовал это.

Матвей ударил кулаком по стене. Дерево треснуло.

— Ничего не добился, — прохрипел он. — Опять ничего.

Он выпрямился, сунул руки за пояс. Цепь на боку тихо звякнула.

«Сиволапый живёт там, где время течёт иначе», — сказала она. И тепло там, где она стояла рядом, не уходило.

Где-то там, в горах, ведьма с пшеничными волосами смотрит на снег.

И холод на руке больше не грел. Застыл, будто ждал.

Глава 8. ЛИЦОМ К ТЕНЯМ

Матвей стоял перед советом, сжимая в кулаке край стола. Иней на руке погас — спрятался, будто чуял недоброе.

— Выжившие в Тормире, — сказал он. — Они под защитой стража. Им ничего не грозит. Совет загудел. Не одобрительно.

— Стража? — переспросил старый старейшина с лицом, исполосованным шрамами. — Какого ещё стража? Почему мы не знаем о нём?

— Он не из ордена, — ответил Матвей. — Но он спас их.

— И ты ему веришь? — вскинулся другой голос, скрипучий, как несмазанная петля. — С каких пор охотник верит неведомым зверям? Может, и ты уже на их стороне? Как ты так быстро вернулся? Не иначе тёмное колдовство подсобило? А что у тебя там на руке сверкает? Не от навьей ли твари метку получил?

«Вот старый дурак», — подумал Матвей. — «Ничего не знает, а судит».

Вопросы сыпались, как искры из кузницы. «Может, ты сам уже не свой, Матвей?»

Он вышел, сжимая кулаки. Не от страха — от злости.

Его отправили в дальние земли, туда, где орден почти не ступал. Мелкие деревни. Мелкая нечисть. Ссылка, прикрытая заботой.

Матвей не пошёл туда.

«Тот старый охотник с чёрными глазами, — думал он. — Он не первый. И не последний. Если тени уже внутри ордена, то ответы нужно искать там, где всё началось. Где тьма въелась в самые стены».

Он решил проверить другое место. Самовольно.

Город Кузен-Черноград

Дорога заняла три дня. Матвей почти не спал — только жевал сушёное мясо на ходу, запивая талым снегом. Иней на руке горел ровно, будто вёл его за собой.

Город открылся с вершины холма.

Когда-то здесь звенели молоты, руда текла рекой. Теперь — тишина. Мёртвая, тяжёлая. Камень стен почернел, будто тьма въелась в самую его сердцевину. Пахло здесь гнилью, старым пеплом и ещё чем-то сладковатым, тошнотворным — тем, что остаётся после долгого присутствия нежити.

«Бывал я здесь, — подумал Матвей. — Лет пять назад. Тогда ещё торговали, стучали молоты. А теперь Что здесь произошло?»

Смрад тянулся отовсюду: из закрытых лавок, из колодцев, из щелей между булыжниками.

Матвей шёл по пустым улицам, положив руку на цепь. Кинжалы тихо позвякивали — нервно, тревожно. Воздух был густым, липким. Казалось, сам город выдыхал эту тьму.

На главной площади, под покровом ночи, он увидел его.

Тень.

Человек. Некогда человек.

Он сидел на краю чёрного каменного возвышения — того, что когда-то было основанием для вечеревого колокола. Старый — седая борода свисала до пояса, лицо бледное, будто известкой покрытое. Глаза — чёрные, бездонные, и от них во все стороны ползли тонкие, как трещины на льду, тёмные вены.

Матвей узнал его. Старший охотник. Имя вылетело из головы — осталась только горечь.

«Так вот ты каким стал, — подумал Матвей. — Тот, кого ставили в пример. Тот, на кого я равнялся. А теперь — пустая оболочка. Тень.»

— Давно ли ты был в ордене? — спросил Матвей. Голос не дрогнул.

Тень не ответила.

Старик медленно поднялся — с хрустом, будто кости ломались и складывались заново. Из-за спины он вытянул два клинка. Тонких, длинных, чёрных — таких, что сам свет боялся на них упасть.

Он не зарычал. Не закричал. Просто шагнул вперёд — и атака.

Бой

Матвей едва успел поднять цепь. Клинки старика встретили кинжалы с таким визгом, что заложило уши. Удар — ещё удар — третий.

«Быстрее, чем я думал», — мелькнуло в голове.

Старик не махал оружием — он плясал. Каждое движение было выверенным, экономным, без единой лишней траты сил. Короткие выпады, резкие уходы в сторону, клинки мелькали, как змеиные языки. Пахло от него старостью, потом и ещё чем-то — железом и тленом.

Матвей раскрутил цепь, пытаясь взять дистанцию, но старик нырнул под лезвия и сократил расстояние. Один клинок полоснул по бедру — Матвей почувствовал жар и понял: кровь.

Сердце забило быстрее. Мир стал чётче.

Он отбил следующую атаку, но старик будто читал его движения. Ушёл в сторону, развернулся, и второй клинок вошёл в плечо — не глубоко, но больно. Кровь хлестнула на чёрный камень площади.

Сердце заколотилось как бешеное. Виски сдавило.

Матвей взвыл, раскручивая цепь в смертельный круг. Кинжалы летели со всех сторон, заставляя старика отступить. Но ненадолго.

«Он стар. Как он так быстро двигается?»

Удар старика пришёлся в каменную плиту — она раскололась надвое, будто по ней ударили кузнечным молотом. Матвей отпрыгнул в сторону, чувствуя, как осколки царапают щёку.

«Это не человек. Не может быть человеком. Он сильнее Высших».

Ещё удар — Матвей едва увернулся. Старый клинок прошёл в волосе от его виска, высекая искры из камня за спиной. Плита треснула и рассыпалась крошечками.

«Если этот удар попадёт в меня — он рассечёт меня пополам, не заметив».

Матвей попытался контратаковать — цепь обвила запястье старика, но тот отдернул руку, и из раны хлынула чёрная, густая кровь. Он даже не поморщился.

«Он не чувствует боли. Вообще. Что с ним сделали?»

Старик наступал. Матвей отступал, оставляя на чёрном камне кровавые следы — свои, алые, и чужие, чёрные, которые медленно впитывались в камень.

«Я не могу его победить. Я должен сменить тактику. Думай, Матвей, думай».

Ещё удар — Матвей подставил цепь, и клинок застрял между кинжалов. Рывок. Старик пошатнулся, и Матвей выбросил вперёд шило — оно вошло тени в плечо, прямо в то место, где чёрные вены сплетались в узел.

Старик замер.

На миг.

Потом вырвал шило из своего плеча, разбрызгивая чёрную кровь, и его чёрные глаза — бездонные, пустые — встретились с голубыми глазами Матвея.

«Бежать», — шепнул внутренний голос. — *«Ты не готов. Бежать, чтобы выжить».*

Матвей стиснул зубы.

Мысль промелькнула — и умерла.

Он не побежал.

Он сжал цепь, расправил плечи, шагнул вперёд. Кровь текла по ноге, по руке, но он стоял. Готовый.

«Если падать, то лицом к теням», — подумал он.

Старик смотрел на него. Чёрные глаза не мигали.

Тишина повисла над площадью, такая плотная, что можно было резать ножом.

Матвей сжал крепче цепь. Кровь из раны на плече заливала рукав, смешиваясь с инеем и застывая чёрной коркой.

«Если продолжусь — истеку кровью».

Старик стоял напротив, не двигаясь. Только клинки в его руках дрожали — мелко, нервно, будто жили своей жизнью.

«Не хватает силы. Не хватает скорости. Он просто сметёт меня».

Тень прокрутил мечи вокруг рук — плавно, будто примеряясь, как взяться удобнее. И в следующий миг просто исчез.

Матвей не успел моргнуть — тень уже оказалась рядом. Он прыгнул назад, не глядя, только чутьём, и тень, раскидывая каменный пол, прочертила глубокую борозду, тормозя в двух шагах от него. Осколки гранита взметнулись в воздух, хлестнув по лицу.

Матвей смотрел на развороченные плиты. На ровную, глубокую канаву, которую оставили клинки тени.

«Такую силу не победить. Не сейчас».

И тут он услышал голос.

Не скрежет, не шёпот — ровный, спокойный, даже усталый. Голос человека, который привык, что его слушают и повинуются.

Тень замерла. Встала ровно, опустив клинки. Будто ждала команды.

— Видишь, — голос лился из тени переулка, — тот, кто служит мне, кто слышит меня — какую силу обретает!

Из темноты вышел **Смертомор**.

Воздух вокруг него стал густым, тяжёлым. Пахло озоном, старой кровью и ещё чем-то — холодом, который пробирал до костей. Доспехи на нём были чёрными — не крашеными, а словно сотканными из самой тьмы, что пожирала свет. Лицо скрывал глубокий капюшон, и только из-под него тускло светились две точки — глаз. Холодных. Внимательных.

Матвей сжал цепь.

— Цена такой силы какова? — спросил он. Голос не дрогнул. — Служба тебе?

Смертомор склонил голову набок, будто удивился вопросу.

— Не совсем служба, — ответил он. — Просто раздели мою волю. И всего-то.

— Разве кроме меня нет других?

— Есть, конечно, — Смертомор сделал шаг вперёд, и тень за его спиной сгустилась. — Но в тебе есть то, чего нет в других. Божья благодать. Отпечаток богов, что пленили меня.

Матвей усмехнулся — горько, безрадостно.

— Я не встречал богов. Думаю, они обо мне и не знают даже.

Смертомор остановился. Из-под капюшона блеснули глаза.

— Увы, — сказал он тихо. — Ты сильно ошибаешься, Матвей. И я тебе это докажу.

Он сделал ещё шаг. И ещё. Его рука в чёрной перчатке потянулась к Матвею — медленно, почти нежно.

И иней вспыхнул.

Не слабо, не ровно — яростно, ослепительно, белым огнём, который выжиг тьму вокруг. Смертомор вскинул руку, закрывая лицо, и отшатнулся назад, едва не упав.

— Это метка?! Это метка стража! — голос его потерял спокойствие, зазвенев злобой. — Его голова падёт первой!

Матвей стоял, сжимая цепь. Кровь всё ещё текла из ран, но иней на руке горел, и эта боль была сильнее той, что от клинков.

— Я служу своему ордену, — сказал он. — Тварей из Нави мы караем мечом.

Смертомор отступил в тень. Его фигура уже таяла, растворялась в черноте.

— Служи своему ордену, — донеслось из пустоты. — И тогда я вырву твоё сердце из твоей груди.

Он растворился.

— Уверен, что это твой орден? — прозвучало последним, растаяло, как дым.

Тишина.

А потом тень дёрнулась.

Старый охотник с чёрными глазами вскинул клинки, делая шаг вперёд. Его лицо не выражало ничего — только пустота и тьма.

Матвей приготовился к бою.

Цепь в его руке зазвенела. Кровь капала с кинжалов на чёрный камень. Иней на руке всё ещё светился — слабо, но ровно. Будто говорил: «Я с тобой».

— Вот что значит «он сам тебя найдёт»? — прошептал Матвей.

И шагнул навстречу тени.

Тень перешла в наступление.

Старый охотник с чёрными глазами не побежал — он взмыл вверх. Высоко, выше человеческого роста, будто его подбросила невидимая сила.

Матвей не сдержался:

— Такого я ещё не встречал!

Тень яростно влетела в то место, где он стоял секунду назад. Клинки с глухим стуком вонзились в камень, выбив сноп искр.

Матвей отскочил. Кровь из раны на ноге оставляла на брусчатке алые пятна.

«Была — не была», — подумал он.

Сердце ускорило. Кровь зациркулировала быстрее, застучала в висках. Он знал цену.

«Я истеку кровью, — пронеслось в голове. — Но я остановлю тебя».

Они сошлись в центре разбитой площади.

Матвей парировал удар — раз, другой, третий. Клинки тени визжали по его кинжалам, высекая искры. Когда тень подходила слишком близко, он выставлял вперёд руку с инеем. Белый холод бил в чёрные глаза, и тень отбрасывало назад, будто наткнувшись на невидимую стену.

Матвей переходил в атаку. Хлёсткие удары цепи рассекали плоть — не глубоко, но больно. Чёрная кровь брызгала на камень, шипела, дымилась.

Тень не кричала. Не стонала.

Просто атаковала снова и снова.

Матвей чувствовал, как силы уходят с каждым ударом сердца. Кровь текла из раны на плече, из раны на ноге, из рассечённой брови. Мир начал плыть — очертания тени двоились, троились.

Он перестал атаковать.

Только уходил. На чувствах, на инстинктах, на том, что осталось от выучки.

Тень насадала.

Удар — Матвей едва увернулся. Ещё удар — клинок прошёл в волосе от щеки.

Он выбился из сил.

Ноги подкосились.

Матвей упал на колени, цепь выпала из ослабевших пальцев. Тень стояла над ним, заноса оба клинка для последнего удара.

Голова тени была рассечена на две половины — от удара цепью, который Матвей нанёс раньше. Чёрная кровь текла по лицу, заливала пустые глаза. Но тень всё ещё стояла.

Мир начал таять.

И в этот момент Матвей почувствовал — ветер.

Сильный. Холодный. Со всех сторон разом.

Снег закружился в бешеном танце, заметая площадь белой пеленой. Метель — нездешняя, злая, живая.

Из этой метели вышел он.

Сиволапый.

В боевой форме — полумедведь, получеловек. Белая шерсть колыхалась на ветру, глаза горели ледяным синим огнём. На нём была кольчуга из плотной цепи — каждое звено, казалось, жило своей жизнью, переливаясь. В руках — секира, исписанная древними знаками, лезвие тускло светилось в темноте.

— Мальчонку не трогай, — прорычал Сиволапый.

Бой

Тень развернулась к новому врагу.

Она не успела ничего сделать.

Сиволапый шагнул вперёд, и земля под его ногой прогнулась. Секира взметнулась вверх и обрушилась вниз с такой силой, что брусчатка разлетелась осколками. Тень отпрыгнула, но поздно — лезвие рассекло воздух в волосе от её груди.

Они схлестнулись.

Сиволапый рубил не быстро — страшно. Каждый его удар заставлял камни трескаться, вылетать из мостовой, превращаться в крошево. Тень уворачивалась, но медведь наседал, не давая ей опомниться.

Секира встретилась с двумя клинками. Лязг стоял такой, что у Матвея, теряющего сознание, закладывало уши.

«*Это и есть истинная сила стража?*» — пронеслось в голове у Матвея перед тем, как темнота сомкнулась окончательно.

Сиволапый ударил ногой — тень отлетела к стене дома. Каменная кладка треснула, осыпаясь пылью. Но тень встала. Подняла клинки. Пошла снова.

— Живучая, — рыкнул Сиволапый.

Он развернул секиру, беря её в две руки, и нанёс удар — не рубящий, а круговой, с разворота всего корпуса. Лезвие вошло тени в шею, прошло наискось, вышло из плеча.

Чёрная кровь хлынула фонтаном.

Тень замерла.

А потом Сиволапый дёрнул секиру на себя.

Голова тени отделилась от тела, описав в воздухе кровавую дугу, и покатилась по разбитой брусчатке, оставляя чёрный след.

Тело рухнуло, как подкошенное.

Сиволапый опустил секиру, тяжело дыша.

— Ну и ну, — сказал он тихо. — Лучшая тень! Низко ты пал, Смертомор.

Он плюнул в сторону, где лежало тело тени.

Повернулся к Матвею.

Тот лежал на спине, глядя в заснеженное небо. Глаза уже закатывались.

— Старый медведь — прошептал Матвей.

Иней на руке вспыхнул в последний раз — ярко, больно, будто прощался. И погас.

ГЛАВА 9. ПРОБУЖДЕНИЕ

Сознание возвращалось медленно — кусками, обрывками, будто кто-то склеивал разбитую чашу.

Сначала — тепло. Глубокое, ровное, идущее откуда-то снизу и с боков. Потом — запахи. Дым. Травы. Мёд. И что-то ещё, знакомое, почти забытое — сосна и старый лёд.

Матвей открыл глаза.

Он лежал на медвежьей шкуре у большого каменного очага. Огонь весело потрескивал, отбрасывая пляшущие тени на стены — грубый камень, древние руны, связки сушёных трав под потолком.

— Очухался, — голос Сиволапого донёсся откуда-то сбоку.

Матвей повернул голову. Страж сидел на корточках у костра, помешивая что-то в небольшом котелке. В отвесах пламени его белая шерсть казалась золотистой, а глаза светились тёплым янтарём.

— Что что случилось? — голос Матвея сел, будто он долго кричал.

— А то не помнишь? — Сиволапый хмыкнул. — Чуть не помер там! Конечно, красиво, ярко но всё же ты ещё не готов.

Матвей попытался приподняться. Рёбра отозвались тупой болью, в голове зашумело.

— Лежи, — рыкнул Сиволапый. — Травы сначала выпей.

Матвей выпил отвар — горячий, горький, с привкусом корней и чего-то смоляного. Скривился.

— Гадость какая

— А ты думал, мёд будешь тут пить? — Сиволапый захохотал, обнажив клыки. — Да пряником имбирным закусывать!

Он сел напротив, положив секиру поперёк колен.

— Спрашивай, — сказал он уже серьёзно. — Я знаю, что у тебя на языке вертится.

Матвей помолчал, собирая мысли.

— Кто он?

Сиволапый вздохнул — тяжело, протяжно.

— Один тот, с кем ты сражался — тень, порожденная хаосом. Второй тот, что сладко трепетал в ушах — Смертомор. Древняя тварь. Первородный хаос. Сильнее богов, что заточили его. Он не зло в том смысле, к которому мы привыкли. Он пустота. Которая хочет заполнить собой всё.

— А тени? — спросил Матвей. — Тот старик. Он был охотником. Я его знал.

— Они все были людьми. Смертомор не убивает — он извращает душу и саму суть. Находит слабые места — обиду, горе, жажду силы — и шепчет. Сначала тихо. Потом громче. А когда человек соглашается — наделяет силой. Тьма выжигает душу, но тело остаётся. Сильное. Быстрое. Мёртвое внутри.

— И их нельзя спасти?

— Нельзя, — жёстко сказал Сиволапый. — То, что ты видел в Чернограде — уже не человек. Только оболочка с чёрными глазами. Их можно только убить.

Матвей опустил взгляд на свои руки. Иней всё ещё был там — слабый, но живой.

— А это что за нах? — он поднял ладонь. — Твоих лап дело?

— Моих, — Сиволапый оскалился. — Не дал тебе согнуться. И не даст, пока Смертомор не выносит этой метки. Она напоминает ему, что не всё в этом мире подчиняется его воле.

— И что теперь?

— Теперь будешь учиться, — просто сказал Сиволапый. — Не клинком махать — это ты и так умеешь. А понимать, с кем имеешь дело. Тени не уйдут. Их будет больше. И тот, кого ты встретил в Чернограде — только первый. Весь твой орден пропитан их липкими тенями!

Сиволапый встал, разминая плечи.

— Ладно, хватит разговоров. Я баню затопил. Иди смой с себя остатки этой погони. Да смотри, чтоб Смергомор не унюхал. И веничком из ели пройдишь, — медведь отвел взгляд и добавил тихо: — пока я тебя крапивой по всему телу не отходил.

Матвей кивнул, с трудом поднимаясь. Раны ныли, но боль была уже не острой — глухой, терпимой.

— Научишь такие настои варить? Отлично помогают.

— Вот проживешь тысячу лет — тогда научу.

Он начал скидывать доспех. Сначала нагрудник, потом наплечники. Кожаная основа удерживала тепло, и под ней тело занемело от долгого лежания.

Дверь пещеры открылась бесшумно.

Марфа вошла, стряхивая снег с капюшона — и замерла на пороге.

Матвей стоял к ней вполоборота, снимая нижнюю рубаху. Мокрую, пропитанную кровью и потом. Его торс — широкие плечи, рельефные мышцы, сетка старых шрамов, которые тянулись от ключиц до пояса, и новые — багровые, ещё не зажившие. Иней на руке слабо мерцал в полумраке.

Марфа покраснела. Так, что даже уши заалели.

Сиволапый, сидевший у очага, поднял голову. Его мохнатые брови поползли вверх.

— А вот оно что?! — прохрипел он с притворным удивлением. — Ты чего покраснела-то вся, как в крапиву залезла, Марфа Васильевна? Неужто голого молодца впервые видишь?

— Да я — Марфа запнулась, пытаясь совладать с лицом. — Не ожидала просто

— Ой, не ожидала она, — Сиволапый захохотал — раскатисто, по-медвежьи, хлопая себя лапой по колену. — Да да! И стан у него богатырский, и плечи — косая сажень! Что ж ты, внучка, глаз-то отводишь?

— Ничего я не отвожу! — вспыхнула Марфа. — Иди ты, медведь похотливый!

— Ну-ну, — Сиволапый утёр слезу смеха. — Иди уже, Матвей, не смущай нашу колдунью. А то она тут в обморок хлопнется, а мне потом её отпаивать.

Матвей, сжимая в руке грязную рубаху, смотрел на раскрасневшуюся Марфу. В уголке его губ дрогнуло — не улыбка, но что-то близкое к ней.

— Я быстро, — сказал он.

И пошёл в предбанник, на ходу скидывая сапоги.

После бани Матвей чувствовал себя почти живым.

Пар выгнал боль из мышц, жар — из ран. Он сидел за грубым деревянным столом, перед ним дымилась миска с похлёбкой — густой, наваристой, пахнувшей мясом и кореньями. Сиволапый не скупился на угощение.

— Не думал я, что нелюди такие гостеприимные, — произнес Матвей.

— Да ты чаще головой в разные стороны смотри, — ответил Сиволапый. — Может, и мир станет чуточку шире.

Матвей ел молча, чувствуя, как силы возвращаются с каждым глотком. Иней на руке пульсировал слабо, в такт сердцебиению.

— Хорошая похлёбка, — сказал он, отодвигая пустую миску.

— А то, — Сиволапый довольно оскалился. — Небось, в вашем ордене так не кормят?

Матвей усмехнулся, поднялся, затягивая пояс.

— Пора.

— Знаю, — Сиволапый кивнул. — Ступай. И помни: тени не прощают. Для них ты убил одну из них. Они будут охотиться.

Матвей взял цепь, проверил кинжалы. Взглянул на Марфу, которая стояла у стены, прижимая к груди свою палочку.

— Спасибо, — сказал он. Ей. И Сиволапому.

И вышел, растворившись в снежной мгле за порогом пещеры.

Марфа проводила его взглядом. Дверь захлопнулась, и в пещере повисла тишина, нарушаемая только треском поленьев в очаге.

— Он погибнет, — сказала она, не оборачиваясь. — Недостаточно силен для того, что ему сулит будущее.

Сиволапый тяжело вздохнул, отставил свою кружку.

— Чтобы стать сильнее, нужно выжить в самых тяжелых условиях. Поэтому он там.

Марфа резко повернулась. В её зелёных глазах горела тревога.

— Ты говорил, что он отмечен богами. Для каких целей им нужен он?

Сиволапый помолчал. Его взгляд ушёл в пламя, будто видел там то, что не дано видеть другим.

— Да, — просто ответил Сиволапый. — Он последний в своём роду. Роде, что похоронил свои тайны очень давно.

— Что за род? — спросила Марфа. — Откуда он? Не томи, медведь.

Её глаза вспыхнули зелёным светом.

Сиволапый встал, подошёл к стене, провёл когтем по древним рунам, высеченным в камне. Они засветились тусклым голубым светом, будто отзываясь на его прикосновение.

— Он из древних воинов, — сказал он. — Тех, чья воля была такой крепкой, что впитала силу Сердца-Оберега. Он последний, кто носит Оберег в своем сердце.

Марфа прижала руку к губам.

— Поэтому Смертомор так хотел его заполучить?

— Поэтому, — Сиволапый отпустил руны, и свет погас. — Тот, кто владеет им, владеет ключом к запечатыванию хаоса. Или к его освобождению.

— Ты и боги просто отпустили его? Позволили ему умирать?

— Боги смотрят издалека, — голос Сиволапого стал горьким. — Они не вмешиваются. Только шепчут. Только ставят перед выбором. А выбирать приходится самому.

Он повернулся к Марфе, и его лицо смягчилось.

— Ты зря за него переживаешь. Он выжил в Чернограде. Не один, конечно, но выжил. Это уже больше, чем многие.

— Я не переживаю, — буркнула Марфа, отворачиваясь. Подошла к очагу. — Он такой же, как и я. Предстоит противостоять тьме одному!

— Конечно, нет, — Сиволапый усмехнулся, но в усмешке не было ехидства. — Но когда он без рубахи, ты как клюква.

Он захохотал.

Марфа сделала взмах рукой. Полено взмыло в воздух и полетело в Сиволапого. Тот ловко поймал его, и пещеру огласил его раскатистый, медвежий хохот.

ГЛАВА 10. БОЖИЙ СУД

Матвей вернулся в лагерь на рассвете.

Снег скрипел под ногами, иней на руке светился ровно, будто предупреждал. Он прошёл через ворота, мимо часовых, которые отводили взгляды. Мимо костров, где охотники замолкали при его приближении.

Что-то было не так.

Сотник встретил его у своих дверей. Старый, шрамовый, с глазами, которые видели слишком много. Он молчал долго — так, что Матвей услышал, как падают искры в догорающем очаге.

— Ты не ходил на дальние гарнизоны, — сказал наконец Сотник. Не вопрос. Утверждение.

— Не ходил, — ответил Матвей. — Я был в Чернограде.

— Знаю. — Сотник вздохнул. — И они знают.

— Кто?

— Староста. Совет. Все.

Матвей сжал цепь на поясе.

— Я сражался против тени. С тем, кто когда-то был охотником. А теперь его нет.

Сотник кивнул. Потом тихо, почти на ухо:

— Зря ты вернулся обратно. Здесь теперь всё смердит страхом.

Он выпрямился.

— Иди. Тебя ждут.

Староста ордена восседал во главе длинного стола. Лицо — каменное, глаза — колючие. Вокруг — старейшины, те, кто решал судьбы. Большинство из них уже вынесли приговор, ещё не выслушав ни слова.

Матвей вошёл. Встал перед ними, уперев руки в пояс. Цепь тихо звякнула.

— Охотник Матвей из рода — староста сделал паузу. — Рода... Впрочем, не важно.

Матвей нахмурился, сжал пояс так, что тот заскрипел.

— Где ты был, когда твой долг звал тебя на дальние рубежи?

— В Чернограде, — сказал Матвей.

— В Чернограде, — повторил староста, медленно, будто пробуя слово на вкус. — А не там, где тебе было велено. Не на гарнизонах, где ждали твоей помощи. Не с братьями, которые несли службу. А в городе, который уже годы считался мёртвым.

— Я нашёл там тень, — ответил Матвей. — Старого охотника. Того, кого вы считали павшим в бою. Он был...

Был? — перебил староста, подаваясь вперёд. — И тебя видели с ним. Видели, как вы сражались. Как ты убил его. Ты предал орден. Не пришёл туда, где был нужен. Убил брата. Что скажешь?

— Он был слугой Смертомора, — жёстко сказал Матвей. — Он стал тенью. Я освободил его от тьмы, в которой он жил.

— Освободил? — Староста усмехнулся, и усмешка его была похожа на оскал. — Ты убил брата. Своего по духу. Того, кто приносил клятву у того же огня, что и ты. И называешь это освобождением?

— Если бы вы видели его глаза, — начал Матвей.

— Я вижу твои глаза, — перебил староста. — Скажи нам, Матвей, не заключил ли ты с тварями из Нави уговор? За спинами братьев своих? Или же ты с нелюдями объединился?

— Нет, — ответил Матвей. — Древний страж, что хранит грань живых на порогах миров, поведал мне об угрозах, что кроются в тенях этого ордена.

— Страж? — вскочил один из старейшин, с лицом, исполосованным морщинами. — Какой ещё страж? Мы не знаем никакого стража. Мы знаем только, что ты вернулся не тем путём, каким уходил. Что тебя перенесла неведомая сила. Что ты встречался с ведьмой — с той, что торгует травами в Тормире и плетёт заговоры на крови.

Матвей стиснул зубы.

— Марфа — не ведьма в том смысле

— Она колдует! — выкрикнул другой старейшина. — Её видели с палочкой, из которой летят зелёные искры! Она шляется по горам в одиночку, и никто не знает, что у неё на уме!

— Она помогала мне, — сказал Матвей.

— О тенях? — Староста подался вперёд, переходя на крик. — Ты пришёл к нам и говоришь о тенях? Ты, кто пропал на три дня, кто вернулся с ранами, которые затянулись быстрее, чем положено? Ты, кто носит на руке метку, которая светится в темноте? Кто поручится, что ты сам не стал одной из них?

Матвей обвёл взглядом совет.

— Я не тень, — сказал он. — И никогда ею не стану. Я лучше погибну в бою, нежели приму дар Смертомора. А вы? Можете прятаться и дрожать, отказываясь верить в правду!

— Слова, — прошипел староста. — Одни слова. А по законам наших предков есть только один способ доказать правду.

Он поднялся, опираясь на посох, и его голос прокатился под сводами:

— Божий суд! Поединок! Если правда за ним — боги дадут ему силу.

— Божий суд, — тихо повторил сотник из своего угла. Голос его был глухим, как удар стали о камень.

Староста кивнул, не глядя на него.

— Божий суд. И пусть боги рассудят.

Матвей смотрел на него. На их лица. И понимал — они уже всё решили. Ему оставалось только драться.

— Глупцы и трусы, — сжимая челюсти, тихо сказал он.

— Кто будет моим противником? — спросил он.

Староста усмехнулся. Усмешка вышла кривой — не предвкушающей, а какой-то злой, большой.

— Вызвались двое.

Площадь перед домом совета оцепили факелами.

Снег утоптали до чёрной, мёрзлой земли. Толпа расступилась, образуя широкий круг. Охотники — кто из любопытства, кто из страха, кто из тайной надежды.

Противники вышли из темноты.

Двое. Огромные, в доспехах, покрытых чёрной патиной. Лица скрыты шлемами, но глаза — злые, живые. Ещё не тени. Всё ещё люди. Те, кто не задаёт вопросов. Те, кто выполняет приказы.

Матвей узнал их. Оба — высшего порядка. Оба — жестокие убийцы. Старший по прозвищу Костолом — его видели на тренировках: он ломал противникам кости, даже когда те уже просили пощады. Младший — Хмара — с парой коротких серпов, которыми он сдирал кожу с поверженных тварей просто так, для забавы.

— Что же это такое? — крикнул Матвей. — Брат идёт на брата? Раньше поединки проходили против тех, кто совершил злодеяние над людьми. А сейчас лучших — против одного меня? — он усмехнулся. Голос его был спокоен, почти ленив.

— Такие уж времена, — оскалил зубы Костолом.

— Нам без разницы, когда проливать кровь, — подытожил Хмара.

— А как же честь ордена?

— Думаешь, брат, — прохрипел Костолом, — честь — это когда ты вернулся и пахнешь потаскухой ведьминской?

— Или когда убиваешь брата, — добавил Хмара.

— Я никого своих не убивал, — ответил Матвей. — Только тварей.

— А старый Горазд? — выкрикнул кто-то из толпы. — Его тоже тварью назовёшь? Хмара растянул улыбку во всё лицо.

— Сначала я вспорю тебе брюхо, а потом подниму твоё тело над этой площадью. Чтобы твоя кровь, ещё тёплая, топила снег.

Матвей усмехнулся.

— Очень много болтаешь.

Костолом шагнул первым. Тяжёлая секира взметнулась вверх и обрушилась вниз с такой силой, что земля под ногами Матвея вздрогнула.

Матвей ушёл в сторону. Лезвие секиры вонзилось в мёрзлую землю по самую рукоять, выбив фонтан грязи и каменной крошки.

Хмара атаковал с фланга. Серпы мелькнули в воздухе, целясь в поясицу.

Матвей раскрутил цепь. Кинжалы запели.

«Они не тени. Они просто люди. Их можно победить, не убивая».

Первый удар — цепь обвила запястье Костолома. Рывок. Огромный охотник пошатнулся, но не упал — только выругался сквозь зубы и рванул секиру из земли.

Хмара налетел снова. Серпы свистели, как змеиные языки. Матвей уклонялся, не принимая удары на цепь — только уходя, только скользя, только держа дистанцию.

«Не подпускать. Дальние атаки. Они тяжелее меня, медленнее».

Кинжал сорвался с цепи и вонзился в плечо Костолома — туда, где доспех расходился на сочленении. Чёрная кровь брызнула на снег. Костолом взревел, рванулся вперёд, и его секира описала широкую, сокрушительную дугу.

Матвей нырнул под неё. Цепь обвила ногу Хмары. Рывок — и тот рухнул лицом в мёрзлую чёрную землю, выронив серпы.

Костолом развернулся. Его лицо под шлемом было перекошено от ярости.

— Ты! — прохрипел он. — Ты! Раздавлю ублюдка!

— Я, — ответил Матвей, вкладывая в голос ледяное спокойствие. — Я, кто не присягал убивать своих. Я, кто не ломал кости тем, кто уже не мог защищаться. Я, кто пришёл сюда не убивать, а защищать.

Он шагнул вперёд. Цепь взвилась в воздухе.

Кинжалы вошли Костолому в оба бедра — ровно там, где проходили главные жилы. Огромный охотник рухнул на колени, зажимая раны. Кровь хлестала из них толчками — алая, густая, горячая.

Хмара попытался встать. Матвей прыжком оказался рядом, прижал его к земле коленом, приставил бритвенно острый клинок от цепи к горлу.

— Лежи, — сказал он. — Или я перережу тебе глотку. Не хочу. Но могу.

Хмара замер.

Матвей поднялся. Оглядел площадь.

— Правда за мной, — сказал он, глядя на совет.

На снегу остались два тела. Кровь растекалась под ними, чёрная в свете факелов, смешиваясь с грязью и пеплом.

Костолом уже не двигался — только дышал тяжело, хрипло.

— Ну уж нет, — вскочил Хмара, подхватывая серпы. — Так позорно проиграть отбросу! Я порежу тебя, ублюдок!

Он взорвался в сторону Матвея.

— Я тебя предупреждал!

Одним резким движением Матвей дёрнул руку. Цепь ловко обвила шею Хмары.

— Умри же! — Матвей дёрнул цепь.

Голова с хребтом отделилась. Тело Хмары пробежало ещё немного и рухнуло, заливая кровью снег и людей. Голова пролетела на цепи почти по всей площади и упала с громким чваканьем, с застывшим неожиданным лицом.

Кто-то из толпы отвернулся. Кто-то зажал нос — запах железа и внутренностей уже начал подниматься над площадью.

Староста побледнел. На его лице застыла гримаса — смесь злобы и растерянности.

— Колдовство, — прошипел он. — Его цепь зачарована. Он не мог победить их честно, не иначе как тёмной силой.

— Что? — выдохнул Матвей. — Ты сам видел! Я не использовал ничего, кроме

— А метка на твоей руке? — перебил старейшина с морщинистым лицом. — Она светила во время боя! Мы все видели!

— Ты нечист, Матвей, — заговорил третий, и в его голосе не было сомнений. — Иней на руке, возвращение через закрытые ворота, встречи с ведьмой в горах

— Ты приносишь скверну в наш орден, — заключил староста. Он поднял руку, и в наступившей тишине его голос прозвучал как приговор. — Но божий суд не окончен.

Матвей поднял голову.

— Что?

— Им не нужен суд это всё ради одного!

— Ты победил людей, — сказал староста, и в его глазах мелькнуло нечто похожее на торжество. — Но сможешь ли ты победить тех, кто уже прошёл через тьму?

Из темноты, откуда-то из-за спин охотников, вышли двое.

Матвей замер.

Он знал их. Знал по именам, по историям, по легендам, которые шептали у костров. Великие охотники. Те, кто носил звание Сверх порядка. Те, чьи имена произносили с уважением.

Они пали. Теперь стояли перед ним — с чёрными глазами и пустыми лицами. Из-под их доспехов сочилась тьма. Вены на шеях почернели и вздулись, как корни старого дерева.

— Тени — пронеслось по толпе. — В ордене? Матвей был прав? Что происходит?

— Божий суд продолжается, — сказал староста.

Матвей понял — дело дрянь.

Раны от первого боя ныли, но не кровоточили. Травы Сиволапного сделали своё дело — тело держалось.

«Если я проиграю — меня убьют. Если откажусь — признаю вину. Да и честно сказать — отказаться я не могу. Выбора нет».

Он прислушался к сердцу.

Матвей закрыл глаза на миг.

Сердце пропустило удар. Затем ещё один. И скажем так — разом оно билось всё громче, всё быстрее.

А потом забило — не быстро, а глухо, тяжело, как кузнечный молот. Кровь зациркулировала по жилам с такой силой, что в ушах зашумело, будто он стоял под водопадом.

Мир изменился.

Факелы вокруг площади замерли. Языки пламени застыли, будто нарисованные. Снежинки, летящие с неба, повисли в воздухе — каждая со своим узором, со своей формой.

«Я никогда не заходил так далеко».

Тени двигались медленно. Их клинки, которые ещё секунду назад были размытыми полосомами стали, теперь можно было разглядеть. Каждую зазубрину. Каждую трещину на лезвии. Каждую каплю чёрной крови, застывшую на гардах.

Матвей открыл глаза.

— Ну что ж, — сказал он, и голос его звучал так, будто он был на другом конце ущелья.
— Давайте закончим.

Тени атаковали.

Первый — с клинком в каждой руке. Его удары были быстрыми, как змеиные укусы. Но Матвей видел их за миг до того, как они должны были достичь цели. Уходил в сторону, уклонялся, парировал цепью.

Второй — с тяжёлой секирой, чёрной, будто выкованной из самой тьмы. Он рубил, не глядя, и каждый его удар заставлял каменную брусчатку трескаться и разлетаться осколками.

Матвей кружил между ними, как осенний лист между ветвями.

«Я быстрее них. Но ненамного. И их двое».

Цепь свистела в воздухе. Кинжалы били то с одной стороны, то с другой. Но тени уклонялись с лёгкостью, пугающей своей нечеловеческой грацией.

Один клинок полоснул по плечу — не глубоко, но больно. Кровь брызнула на снег.

Второй удар пришёлся в бедро. Матвей зарычал, уходя в скольжение, теряя равновесие.

«Они сильнее. Я не смогу их победить. Не так».

Он отступал. Тени наседали.

Один из них нанёс удар, от которого камень под ногами Матвея раскололся надвое. Матвей отпрыгнул, но второй тени удалось задеть его цепь — кинжалы разлетелись в стороны, оставив в руке только шило на конце.

Матвей остался почти без оружия.

Тени надвигались.

И в этот момент — из ниоткуда, сквозь гул крови в ушах — он услышал голос.

Тихий. Зелёный. Её.

— Загляни в своё сердце, Матвей.

Мир замер.

Не так, как от разгона крови. Иначе. Глубже. Будто само время остановилось и ждало.

Что-то шевельнулось в груди. Там, где билось сердце, пульсировало нечто большее. Не кровь. Не плоть.

Он чувствовал его — Сердце-Оберег. Оно спало в нём долгие годы. И вот теперь проснулось.

Свет — золотой, тёплый — разлился по его жилам. Каждая вена, каждая артерия подсветилась изнутри, засветилась сквозь кожу. В области груди, под рёбрами, пульсировал источник — яркий, как солнце в полдень.

В глазах Матвея вспыхнуло что-то древнее, яростное, живое.

Тени замерли на миг.

Этого мига хватило.

Матвей рванул цепь к себе — она сама прыгнула в ладонь, будто живая. Кровь в жилах пела. Сердце билось ровно, сильно, так, что удары отдавались в земле.

И он атаковал.

Это был не бой. Это была стихия.

Цепь танцевала вокруг Матвея, как смерч. Кинжалы, которые ещё секунду назад валялись в снегу, взмыли в воздух и присоединились к танцу, подчиняясь его воле.

Он двигался быстрее, чем когда-либо. Быстрее, чем мог представить.

Тени атаковали вместе — клинки и секира обрушились на него с двух сторон. Матвей не отступил. Он шагнул вперёд, под удар, и в этот миг его цепь обвила запястье первой тени. Рывок — и рука с клинком отлетела в сторону, разбрызгивая чёрную кровь.

Он не глядя отбил секиру второй тени — шило на конце цепи встретило лезвие, высекло сноп искр. Ещё рывок — и тень пошатнулась, открывая грудь для удара.

Кинжалы вонзились в неё с двух сторон — один в сердце, второй в горло.

Первая тень рухнула.

Вторая успела замахнуться, её клинок нёсся прямо в лицо Матвею. Он ушёл вниз, под удар, и цепь обвила ногу тени. Рывок — и тень рухнула на спину.

Матвей наступил ей на грудь, прижал к земле. В руке — шило, острое, как жало змеи.

— Ты был великим охотником, — сказал он. — Я помню твоё имя. Я чту его. Поэтому — уходи с миром.

И вонзил шило в глазницу.

Чёрная кровь хлынула на его руки, на доспех, на лицо.

Тишина.

Площадь молчала.

Охотники, старейшины, даже староста — все смотрели на Матвея, стоящего над двумя поверженными теньями. Его жилы всё ещё светились изнутри золотым светом. Иней на руке горел ярче, чем когда-либо.

Матвей сделал шаг назад.

Потом — второй.

А потом ноги подкосились.

Свет в жилах угас. Сердце сбилось с ритма, забилося хаотично, болезненно. Всё поплыло перед глазами.

Он рухнул на колени. Затем — на снег, лицом вниз, туда, где ещё дымилась чёрная кровь теней.

Кто-то кричал. Кто-то звал его по имени. Голос старосты — злой, испуганный. Голос сотника — прорывающийся сквозь гул.

Матвей не слышал.

Он смотрел в небо, где снежинки падали медленно, будто каждая летела к нему специально.

И перед глазами — лицо. Пшеничные волосы. Зелёные, как молодая листва, глаза.

— Заглянул, — прошептали его губы.

Потом тьма.

ГЛАВА 11. ДУРЁХА

В пещере Сиволапого было тихо.

Огонь в очаге потрескивал, отбрасывая пляшущие тени на стены, покрытые древними рунами. Старый страж спал в углу, свернувшись клубком, его седая шерсть мерно вздымалась.

А потом руны зажглись.

Сразу все.

Они вспыхнули багровым огнём, запылали, зашипели, будто кто-то лил расплавленный металл в камни. Сиволапый вскочил в один миг — шерсть встала дыбом, глаза расширились, когти вырвались из подушечек лап.

— Боги — прохрипел он, озираясь. — Что происходит-то?

Стены пещеры замерцали, заколебались — и в воздухе начали всплывать образы. Площадь. Факелы. Двое огромных охотников, наступающих на одного.

Матвей.

Сиволапый узнал его по цепи.

— Не уж то? — рыкнул он.

Он шагнул к очагу, протянул лапы к пламени, будто пытаясь достучаться до тех, кто за ним.

— Вы не должны этого делать! — прорычал он в пустоту. — Хватит! Он не готов!

Пламя взметнулось вверх, выстрелило искрами. Из самого сердца огня донёлся голос. Не громкий, не властный — усталый. Женский. Тот, кто видел слишком много судеб.

— Страж, — голос Макоши разлился по пещере, заставляя руны пульсировать в такт словам. — Нити сплелись. Не вам решать, когда завяжется узел.

— Решать? — Сиволапый оскалился, обнажив клыки. — Вы играете с судьбами обычных людей! Вы смотрите на них, как на пешки в вашей древней игре! А когда они погибают — вы просто меняете переменные!

— Судьба выбрала его задолго до того, как мы обратили на него внимание, — ответила Макошь.

Сиволапый ударил лапой о каменный пол, так что трещины пошли.

— Он сейчас там, один против

Дверь пещеры распахнулась с такой силой, будто её вышибли с другой стороны. На пороге стояла Марфа — запыхавшаяся, с растрёпанными пшеничными волосами, снег ещё не растаял на её плаще. Её зелёные глаза горели.

— Птицы донесли, — выдохнула она. — Его вызвали на поединок! Орден уничтожит его! Смертомор уже там!

— Знаю, — рыкнул Сиволапый, не отрывая взгляда от очага.

— Там двое! — Марфа шагнула внутрь, её голос сорвался. — Убийцы, головорезы! Тени! Он один!

Сиволапый наконец повернулся к ней. Его морда была искажена гримасой, в которой смешались ярость, страх и бессилие.

— Боги показывают мне это с наслаждением, — сказал он. — Они хотят, чтобы я смотрел.

Он снова повернулся к очагу.

— Пощадите его, — сказал Сиволапый, и в его голосе впервые за долгие века прозвучала не злоба — мольба. — Не возлагайте это бремя на него. Он юн. Он не просил этой судьбы.

Марфа подошла ближе. Её глаза вспыхнули — зелёным пламенем, тем самым, что Сиволапый видел у её бабки, у прабабки, у всех женщин древнего рода.

— Оставьте его в покое! — крикнула она, обращаясь к богам. — Хватит с него горя и боли, хватит потерь!

В пещере загудело.

Руны, которые только что пылали багровым, вдруг разом стихли. Голос Макоши исчез.

Но тишина продлилась недолго.

Марфа откинула голову назад, её тело выгнулось дугой — будто что-то входило в неё, заполняло, переполняло. Она перехватила дыхание и замерла на миг.

А потом заговорила.

Но голос — не её.

Древний, многоголосый, как шелест леса, как шёпот реки, как треск костра и гром над горами. Голос самой Прави.

— Мы видим его, — прозвучало из её уст. — Мы всегда видели. Мы не можем закончить то, что было за долго до вас.

— Можете! — крикнул Сиволапый, отступая на шаг. Его шерсть всё ещё стояла дыбом, но теперь — не от ярости. От страха. — Можете, всегда могли!

— Не можем, — ответил голос. — Тени вышли против него. Если он не примет дар — он погибнет. А если погибнет он — погибнет и надежда.

— Какая надежда? — прошептал Сиволапый.

Но Марфа — существо, в которое она превратилась — уже не слышала.

Её глаза горели зелёным огнём так ярко, что в пещере стало светло, как днём. Она взмыла в воздух, повинувшись воле, что текла сквозь неё.

— Он не знает о даре, — голос её гремел под сводами. — Он не может им управлять. Если я не помогу — он умрёт.

— Если поможешь — оборвёшь нить его жизни! — рявкнул Сиволапый. — Он должен сам принять этот дар! Не сопротивляясь! Не борясь с ним! Иначе Оберег в его крови разорвёт его изнутри! Он сам станет хаосом, подобно Смертомору!

Марфа опустила взгляд. В её глазах — сквозь зелёное пламя — блеснули слёзы.

— Я не могу допустить гибели ещё одного, — прошептала она.

Сиволапый шагнул к ней.

— Марфа, послушай

Она подняла руки, воздела их к потолку пещеры. Её губы зашевелились, произнося слова на древнем, забытом наречии. Том, на котором говорили первые ведуньи. Том, что не выучишь — можно только унаследовать в крови.

Сиволапый узнал эти слова.

И ужаснулся.

— Стой! — зарычал он, бросаясь вперёд. — Дуреха! Не делай этого! Боги явятся за ним сами! Не вмешивайся!

— Боги его погубят, — ответила Марфа. — Я же укажу ему путь.

Из неё вырвалась сила.

Не искры. Не сгустки пламени. Огромная, неудержимая волна чистой магии, которая сметала всё на своём пути. Стол разлетелся в щепки. Связки трав взметнулись под потолок, рассыпаясь в пыль. Котёл с похлёбкой опрокинулся, заливая огонь.

Сиволапого отбросило к стене. Он врезался в камень с такой силой, что руны за спиной треснули, а из груди вырвался хрип.

— Марфа — прохрипел он, сползая на пол. — Твою же мать

А она уже завершала заклинание.

— Загляни в своё сердце, — прошептали её губы.

И невидимая сфера выплеснулась из неё — туда, за пределы пещеры, через горы, через леса, к далёкой площади, где Матвей стоял перед двумя тенями.

Сила ушла.

Всё стихло.

Марфа безвольно рухнула на пол.

— Пошли эти боги — выдохнула она.

Её глаза закрылись. Пшеничные волосы разметались по камням.

Сиволапый отлепился от стены, потирая ушибленный бок. Подошёл к ней, присел на корточки. Осторожно — почти нежно — коснулся лапой её плеча.

— Зачем? — спросил он тихо. В его голосе не было злобы. Только горечь. — Для чего, дуреха?

Марфа не ответила. Её дыхание было ровным, но слабым. Слишком слабым для той, кто только что говорила голосом богов.

Сиволапый поднял голову к потолку, к погасшим рунам, к тому месту, где ещё минуту назад звучал голос Макоши.

— Вы хоть видите, что творите? — спросил он в пустоту. — Вы хоть понимаете, какой ценой?

Тишина.

Только огонь потрескивал в опрокинутом котле, умирая.

— Ну вот, — прошептал Сиволапый, опуская голову. — Ещё одна. Ещё одна жизнь, которую вы сломали, даже не заметив.

Он поднял Марфу на руки — лёгкую, как пух, хрупкую, как осенний лист — и отнёс к медвежьей шкуре у стены. Укрыл тёплыми шкурами.

Сам сел рядом, спиной к камню.

— Дурёха, — повторил он уже без горечи, почти с нежностью. — Совсем дурёха.

Он помолчал. Посмотрел на догорающий огонь. Потом тихо, почти беззвучно, добавил:

— Теперь-то мне точно не сносить шкуры.

ГЛАВА 12. РАСПЛАТА ЗА ПРАВДУ

Сознание возвращалось медленно — сквозь боль, сквозь чужеродную тяжесть, которая давила на грудь, будто кто-то положил на него каменную плиту.

Матвей открыл глаза.

Мир плыл. Голоса вокруг были невнятными, чужими, будто говорили под водой. Он слышал слова, но не мог сложить их в смысл. Зато запахи врезались в сознание — кислый пот страха, железный привкус крови, терпкая горечь тревоги, что висела в воздухе, как туман перед грозой.

«колдовство»

«убил братьев»

«нечисть»

Он попытался пошевелиться — и понял, что прикован. Повернул голову и увидел тяжёлые, чёрные цепи, обвивающие его руки, ноги, грудь. Они притягивали его к грубому деревянному столбу, врытому в центр площади. Той самой площади, где ещё недавно он стоял победителем.

Теперь он был пленником.

Матвей дёрнулся. Цепи зазвенели, но не поддались. Они были не простыми — руны на звеньях тускло светились, подавляя силу, высасывая остатки энергии из его тела.

Он поднял голову.

Перед ним на площади стоял Сотник. Старый, шрамовый, тот, кто когда-то вытащил его из кровавой избы у Серебряного озера. Его голос гремел, обращаясь к толпе охотников, к старейшинам, к старосте, который прятался за их спинами.

— Он победил честно! Один против двоих, боги дали ему силу! — кричал сотник. — А вы выпустили ещё двоих! Кто они? Почему они двигались не как люди? Почему их глаза были чёрными, а вены — как корни, пропитанные тьмой? Вы обвиняете мальчишку в сговоре? Но тогда как объяснить этих?!

Сотник показал в сторону уже исчезающих теней.

Толпа молчала.

— Вы обвиняете его в том, чем сами затянуты? — Сотник обвёл всех тяжёлым взглядом. — Он выиграл поединок!

Староста ордена не выдержал.

Он шагнул вперёд, его лицо исказила гримаса, в которой смешались злоба, страх и что-то ещё — то, что не должно было быть на лице человека. Тьма будто пелена окутывала на краткое мгновение его тело.

— Ты смеешь перечить совету? — прошипел он. — Ты, старый пёс, который притащил эту заразу в наш орден?

— Я притащил мальчика, который выжил там, где не выжил бы никто из вас! — рявкнул Сотник. — Орден, что создавался очень давно, который карал мечом навью нечисть, теперь сам использует нечисть, чтобы убрать неугодных? Так выходит, всевидящий совет?!

Он не договорил.

Староста поднял руку. Из его ладони вырвался сгусток тьмы — не такой, как у теней, а другой, более плотный, более быстрый, более смертоносный. Чёрный снаряд просвистел в воздухе и вошёл в грудь Сотника.

Кровь брызнула на снег.

Матвей взревел:

— НЕЕЕЕЕЕЕТ! УБИИИИИЦЫЫЫЫЫ!!

Сотник рухнул на колени. Из его рта потекла алая струя, смешиваясь с чёрным, что сочилось из раны. Глаза его потемнели — не сразу, а постепенно, будто тьма заливала их изнутри.

— Матвей — прохрипел он. — Я я вас всех уничтожу

Его голос срывался, разносился гулом по площади, и в нём слышалась не ярость — обречённость.

А вокруг зрачков начали проступать чёрные вены. Тонкие, как трещины на льду, они ползли по лицу, спускались к шее, исчезали под воротом доспеха.

Матвей рванулся в цепях.

— Что это такое?! — крикнул он. — Что вы с ним сделали?!

Староста усмехнулся, и в его голосе зазвучала маслянистая, почти ласковая нотка:

— Он обретёт силу, что не снилась ему. Он передумает на счёт своих слов и убеждений. Смертомор укажет ему истинный путь. Но чтобы достичь могущества, он должен пролить кровь врага. Врага наших убеждений.

Сотник поднялся.

Его движения были неестественными — резкими, дёргаными, будто кто-то дёргал за ниточки. В его руке материализовался огромный молот — чёрный, с рунами, которые пульсировали в такт его сердцу.

Он замахнулся.

Матвей смотрел в его глаза. Там, за чернотой, за тьмой, что заливала зрачки, ещё теплилось что-то живое.

— Цепи — сказал Сотник. — Одним рывком я взял те, что на стыке проржавели.

— Беги, малец, — прошептал он.

Молот замер в воздухе. Сотник боролся — с собой, с тьмой, с тем, что в него вселили. Его рука дрожала. Чёрные вены вздулись, будто готовые лопнуть.

— Беги, Матвей, — повторил он громче. — Я не могу я не

Он посмотрел на свои руки. На молот. На цепями прикованного Матвея.

И принял решение.

Сотник развернул молот и с размаху обрушил его на свою голову.

Раздался глухой, влажный хруст — кости ломались, как сухие ветки под ногами. Кровь, чёрная и алая одновременно, брызнула во все стороны, заливая снег. Запах железа и горелой плоти ударил в ноздри, смешиваясь с морозным воздухом.

Тело рухнуло, как подкошенное, и ещё секунду дёргалось в агонии, прежде чем затихнуть навсегда.

Глаза Матвея бегали по телу Сотника, не в силах остановиться на одном месте. Они скользили по сломанному черепу, по искорёженному молоту, по руке, которая ещё сжимала рукоять, даже когда тело уже не двигалось. Он не мог смотреть — и не мог отвести взгляд.

Где-то вдалеке, за толпой, потрескивал огонь. Единственный живой звук в этой мёртвой тишине.

Тишина.

Матвей смотрел на тело от лежал на снегу, и его кровь растекалась вокруг, смешиваясь с грязью и пеплом.

— Нет, — прошептал Матвей. — Нет, нет, нет

Он рванулся. Цепи зазвенели. Матвей напрягал каждый мускул в своём теле, так что вены на лбу вздулись от напряжения. И цепи лопнули.

Староста отступал назад, его лицо исказила паника:

— Не мыслимо не может быть

Толпа загудела. Шёпот прокатился по площади — кто-то кричал «это сила богов!», кто-то «он проклят!», кто-то просто молчал, в ужасе глядя на разорванные цепи.

В толпе, среди сотен лиц, один человек стоял неподвижно. Его глаза были широко раскрыты, а по щеке, от виска к подбородку, медленно стекала капля пота. Она замерзла на середине пути, когда Матвей поднял меч.

Матвей подобрал упавший меч и уже замахивался на старейшину:

— УМРИИИИИИИИИИИ! МРААААЗЬ!

И в этот миг иней на его руке вспыхнул.

Не слабо, не ровно — яростно, ослепительно, белым огнём, который выжиг тьму вокруг. С неба начал падать снег — сначала редкий, потом гуще, а потом поднялась метель.

Ветры завывали.

Снег кружился, заметая площадь, скрывая тела, охотников, старейшин. Всё исчезло в белой пелене.

Иней на руке Матвея загорелся так ярко, что он зажмурился.

А когда открыл глаза — его не было на площади.

Только падающие снежинки кружились там, где он только что стоял прикованный к столбу.

Только тело Сотника, засыпаемое снегом.

Матвей исчез.

Оставил после себя только холод.

ГЛАВА 13. Я ИХ ВСЕХ УНИЧТОЖУ

В пещере Сиволапого было тихо.

Марфа отдыхала у стены, укутанная в медвежью шкуру, и смотрела на огонь. Её лицо было бледным, под глазами залегли тени — плата за то заклинание, что она сотворила. Сиволапый сидел рядом, помешивая что-то в котелке, и поглядывал на неё.

А потом старый страж замер.

Шерсть на его загривке встала дыбом. Он поднял голову, принялся — глубоко, всем нутром, как зверь, чующий надвигающуюся бурю.

— Марфа, — чуешь? — спросил он, не оборачиваясь.

Марфа подняла голову. Её зелёные глаза расширились.

— Да, — сказала она. — Холодом запахло. Иней. Опасность?

Сиволапый встал, отставил котелок. Его морда исказилась в гримасе, где смешались усталость и понимание.

— Я оставил его на руке, чтобы в случае смертельной опасности он уберёт этого избранника богов.

В центре пещеры воздух задрожал. Сначала — едва заметная рябь, будто кто-то бросил камень в невидимое озеро. Потом рябь превратилась в кружение — воздух закрутился воронкой, поднимая пыль и мелкие камешки с пола. А потом из этой воронки образовалась сфера — мутная, пульсирующая, с белыми всполохами инея по краям.

Сфера лопнула.

Из неё вылетело тело — израненное, в крови, с диким криком, в котором смешались боль и ярость. Лезвие разрезало воздух в долю секунды, упёрлось в стену и с ярким звоном сломалось об камень.

Матвей рухнул на колени посреди пещеры. Доспех был разорван, цепь болталась на поясе, из нескольких кинжалов не доставало.

И он кричал. От всепоглощающей тьмы, что поднялась из самой глубины.

— Я их всех уничтожу! — голос его сорвался на хрип. — Я убью их всех!

— Где я?! Зачем?! Верните обратно! Я их всех убью!

Он пытался встать, падая от бессилия, снова поднимался — и снова рушился на колени.

Сиволапый стоял в стороне, скрестив лапы на груди.

— Его надо успокоить, — сказал он негромко. — Сейчас его рассудок не готов.

Марфа не ответила. Она закрыла глаза, её губы зашевелились, читая заклинание — тихое, тягучее, на языке, которого Сиволапый не понимал, но чувствовал всем нутром. Зелёное свечение заструилось от её пальцев, окутывая голову Матвея, проникая внутрь, успокаивая воспалённые нервы.

Матвей замер.

Крик оборвался.

Он дышал тяжело, хрипло, но уже не кричал. Только смотрел в одну точку пустыми, красными глазами.

— Легче? — спросила Марфа, убирая руки. Её голос был тихим, но в нём слышалась такая усталость, будто она сама только что вернулась с того света.

Матвей глядел на неё. С презрением. С горечью.

— Это всё нелюдское, — сказал он. — Ваше ведьминское. Грязное.

Он сказал это тихо, но в голосе звучала такая глухая ненависть, что Марфа на мгновение отшатнулась.

— Да, — сказал он. И вдруг — коротко, невесело усмехнулся. — Я ничего не чувствую. Даже язык онемел.

«Он совсем сломлен», — подумала Марфа, глядя на него. — «Сколько ему ещё предстоит Надо достать эту тьму из его сердца. Напрочь вытравить. Иначе она сожрёт его раньше, чем Смертомор».

Сиволапый фыркнул. Подошёл ближе, присел на корточки перед Матвеем.

— Ну и слава богам, — сказал он. — А то твои бранные речи уж слишком грязные. Я бы не хотел, чтобы моя пещера запомнила такие слова.

Марфа сердито посмотрела на Матвея.

Матвей поднял голову. Глаза его были всё ещё пустыми, но в них понемногу возвращалось осознание.

— Долго продлится? — спросил он.

Марфа посмотрела на него. Долго. Внимательно. Будто пыталась разглядеть что-то под слоем боли и грязи.

— Зависит от боли, — сказала она. — Что тебя грызёт.

Матвей опустил взгляд. На свои руки, покрытые чужой кровью. На доспех, разорванный в нескольких местах. На цепь с кинжалами — на ней не хватало двух лезвий.

— Сотник, — сказал он тихо. — Он заслонил меня. Говорил про орден. Встал на защиту. Они что-то сделали, и его глаза потемнели. Он знал, что я не нужен. Цепи. Он знал чтобы не стать таким же, он размозжил себе голову.

В пещере повисла тишина.

Сиволапый медленно выдохнул. Марфа прикрыла глаза.

«И теперь я» — Матвей сжал кулаки, и костяшки побелели.

— Я их всех уничтожу, — сказал он. Спокойно. Без крика. Без надрыва. — Всех. Каждого, кто предал. Каждого, кто смотрел и молчал. Каждого, кто носит тьму в своём сердце.

Сиволапый поднялся, положил тяжёлую лапу ему на плечо.

— Успеешь, — сказал он. — Но сначала — приди в себя. Мёртвый мститель никому не нужен.

Матвей не ответил.

Он просто сидел на коленях посреди пещеры, весь в крови, и смотрел на огонь.

Сиволапый тяжело поднялся, разминая спину. Кости хрустнули — громко, на всю пещеру.

— Ай, ну вас, — проворчал он. — Пойду я баню затоплю. Да медовуху достану. Особого спаса.

Он уже двинулся к выходу, но на полпути обернулся, ткнув лапой в сторону Марфы.

— Ты хоть чай поставь в котелке-то! — рявкнул он. — Или нахряпаемся медовухой?

Он приподнял одну бровь. Потом медленно, с хитринкой, протянул:

— Нееееет раз мы тут тризну справляем, достану я свою сикеру!

Марфа подняла на него глаза. В них мелькнуло что-то — усталость, согласие.

— Пожалуй, нахряпаемся, — сказала она. — По-медвежьи.

Сиволапый аж подпрыгнул от неожиданности. Его мохнатое лицо расплылось в довольной ухмылке.

— Вот это будет сабантуй! — громыхнул он. — Гусли проверим! Да грустную песнь протянем!

Матвей, всё ещё сидевший на коленях, поднял голову. В его глазах забрезжило непонимание.

«Какая нахер тризна» — думал он про себя. — «Орден — предатели. Тьма сгущается. А они тут пировать думают?»

Он попытался вернуть медведя обратно, но голос сорвался на хрип:

— Вы чего, пить собрались? — спросил он. — У нас армия Смертомора и орден под боком. Нам думать надо, как выжить.

Марфа дунула на прядь волос, упавшую на лицо. Движение было таким будничным, таким человеческим, что Матвей на мгновение забыл, где они и что случилось.

— Вот потому и надо голову прочистить, — сказала она. — Трезвым такие мысли только в петлю заводят.

Она глянула на него поверх пряди.

— У тебя там язык-то не пришёл ещё в форму? А то скоро потребуется.

Сиволапый расхохотался — раскатисто, по-медвежьи, так что со сводов посыпалась мелкая каменная крошка.

— Во баба! — прорычал он сквозь смех. — Сразу без разговоров!

Марфа покраснела. Так, что даже уши заалели.

— Для песен, — сказала она, отводя глаза. — Старый ты медведь.

Сиволапый ухмыльнулся, подмигнул Матвею.

Матвей находился в непонимании. С горечью в сердце. Он не был привычен к таким мероприятиям — его всегда тренировали в выдержке и дисциплине.

Он поднялся, пошатываясь — то ли от бессилия, то ли от колдовства.

— Хотите пить — пейте. Я буду тогда сам готовиться. Один. Как всегда.

Сиволапый одобрительно хлопнул его по плечу — так, что Матвей едва не улетел обратно на пол.

— Ты что, Старого Сотника Беремира не хочешь сопроводить в мир Слави? — грубо сказал Сиволапый.

Матвей растерянно моргнул.

— Да как же? Хочу!

— Вот это разговор! — рявкнул Сиволапый. — А я пока баню топить. Грязь с себя отмоете — легче думаться будет.

Он скрылся за дверью, оставив после себя облако пара и раскатистый смех.

Марфа подошла к котелку, принялась перебирать травы. Пальцы её всё ещё дрожали, но движения стали спокойнее.

— Он прав, — сказала она, не глядя на Матвея. — Иногда, чтобы идти дальше, надо сначала остановиться. Выдохнуть. Сердце успокоить.

— Ты часто так делаешь? — спросил Матвей, и тут же подумал про себя: *«Зачем я это вообще ляпнул?»*

Марфа усмехнулась — невесело, уголками губ.

— Чаше, чем хотелось бы.

Она подняла на него глаза. Зелёные, как молодая листва. Усталые, но живые.

— Но с тобой — в первый раз.

Матвей не нашёлся, что ответить. Помолчал. Потом вымолвил:

— Знаешь, я тоже с ведьмами не праздновал. Обычно по-другому было.

Он стоял посреди пещеры и чувствовал, как понемногу оттаивает что-то внутри. То, что он считал замёрзшим навсегда.

«Не думал я, — пронеслось в голове, — что буду делить кров и еду с теми, на кого всю жизнь должен был охотиться».

Стол ломился.

Матвей даже не понял, откуда Сиволапый достал столько снеди. Вяленая рыба, сушёное мясо, каша в глиняном горшке. Солёные грузди, мочёная брусника, краюха ржаного хлеба — ещё тёплая, будто только из печи.

А посередине — три сосуда. Медовуха, хреновуха, оль.

Сиволапый окинул стол хозяйским взглядом, довольно кивнул. Поднял огромный кубок.

— Будем же мы за мир, — провозгласил он. — За круг, в котором есть быт и порядок. Душа и честь!

Он обвёл взглядом Марфу — уставшую, но с живыми глазами. Матвея — замершего, ещё не до конца верящего, что он здесь, что он жив, что он не один.

— Вокруг меня люди, которые должны хранить друг друга! — голос Сиволапного стал тише, но от этого только весомее. — Ибо зло будет бояться семейных уз. Ибо не властно оно над сердцами горячими.

Он поднял кубок выше.

— Будем!

Марфа подхватила:

— Будем!

Матвей посмотрел на них. На старого медведя. На ведьму, которая отдала часть своей силы, чтобы он не погиб.

В его груди, там, где билось Сердце-Оберег, что-то дрогнуло.

— Будем, — сказал он.

Чокнулись. Кубки звякнули — глухо, по-домашнему.

Медовуха обожгла горло, разлилась теплом.

Сиволапый крякнул довольно.

— Хороша. Пять лет выдерживал.

— Хвалишься, — усмехнулась Марфа.

— А то! Не каждый день кого-то от верной гибели отмаливаю.

Матвей взял ложку, зачерпнул каши. Жевал, проглатывал, смотрел на огонь. Внутри понемногу оттаивало.

— А что дальше? — спросил он, глядя в огонь. Голос был ровным, но в нём звучала усталость человека, который боится, что завтрашний день принесёт только новые потери.

Сиволапый пожал плечами.

— А дальше — завтра. Сегодня — будем. Просто будем. Живыми.

Марфа протянула ему краюху хлеба.

— Ешь. Силы понадобятся.

Матвей взял. Хлеб был тёплым, мягким, пах мукой и дымом. Как в детстве. Как в той жизни, которой больше нет.

Он посмотрел на свои руки. Иней на них всё ещё светился — слабо, ровно. Не холодом — теплом.

Рядом — старый медведь, что клял богов и ставил кубок за семейные узы. Рядом — ведьма с пшеничными волосами, зелёными глазами и сердцем, которое не умело оставаться в стороне.

Может быть, не всё ещё потеряно.

Медовуха ушла быстро. Оль — следом.

Сиволапый отодвинул опустевший бочонок и потянулся к хреновухе.

— Ух, забористая. Сразу, если духом слаб, с ног собьёт.

Матвей взял медвежий кубок.

— Да коли мне, молодцу ратному, эта медовуха — и в один глазок!

Он пил долго, взахлёб. Сиволапый стучал лапой по столу:

— Пей! Пей! Пей!

Матвей опустошил кубок до дна.

Все засмеялись. Даже он сам — коротко, хрипло, впервые за долгие дни.

Пошли разговоры.

Гусли заиграли сами — Марфа махнула палочкой, и струны запели, затянули что-то древнее, тягучее.

Сиволапый стучал по столу в такт.

— Как-то раз я против дюжины мужиков сражался! Всех положил!

— Да что там мужики? — сказал Матвей. — Две тени, как тебе?

— Я с такими силами тягаться, что тебе и не снилось!

— Ты уже старый. Я молод. Обгоню тебя.

Марфа, изрядно пьяненькая, вступила:

— Хватит спорить! Я могу зачаровать кубок, чтобы он не кончался.

— Ты, ведьма болотная! — рявкнул Сиволапый. — Раньше-то не могла сказать?!

Марфа пожала плечами.

— Ну, вот так.

Матвей поднял кубок.

— Зачаровывай. Медведя буду обгонять!

Марфа взмахнула палочкой — и все кубки засветились зелёным.

— Кто первый упадёт — тот проиграл!

Сиволапый оскалился.

— Ох, детки. Да я тысячу лет пью и по бабам хожу!

Марфа под столом сделала жест палочкой. Стул под Сиволапым рассыпался с громким треском.

Медведь рухнул на пол.

— Ой, — сказала Марфа. — Видать, уже поиграл.

Сиволапый поднялся. В его глазах плясали чертики.

— Это жульничество!

— А ты докажи, — усмехнулась Марфа.

Матвей смотрел на них. На старого стража, который громил врагов века назад, а теперь валится с рассыпного стула. На ведьму, которая только что взывала к богам, а теперь подпавает его зачарованным кубком.

И впервые за долгое время он почувствовал не боль.

А что-то похожее на дом.

Сиволапый пил. Пил. Пил.

Матвей пил следом, но его уже штормило.

— Я не проиграю тебе, медведь!

Сиволапый тоже был изрядно пьян.

— Ну так ты не балаболь — пей!

Марфа смотрела на них и качала головой.

— Шас чары сделаю, чтобы рассудок восстановить.

— НЕ СМЕЙ! — рявкнули они в один голос.

— Тут честь на кону! — добавил Сиволапый.

Марфа вздохнула. Поднялась.

— Боже. Я тогда в баню. Изгонять твою хреновуху, старый!

И скрылась за дверью.

Матвей проводил её мутным взглядом.

— О, баня. Хорошо-то как

Сиволапый хлопнул его по плечу.

— Обожди. Дай бабонька там одна потужит. А мы с тобой аposesя.

— Может, я с ней бы не прочь?

— Да оно и понятно. Но не сейчас.

Матвей вздохнул.

— Тогда бороться будем?

— Я же в два раза больше тебя. Неинтересно.

Матвей оглядел себя. И медведя.

— Марфа! — крикнул он в сторону бани.

— Чего?

— Есть заклинание, чтобы я был огромным?

Марфа выглянула. Её лицо было красным.

— Только на отдельные части тела. Ну, это если беда там какая

Матвей задумался. Сиволапый захохотал.

— Отдельные части! Ну, Марфа, ну, ведьма!

Матвей так и не понял, над чем они смеются.

Но впервые за долгое время — он смеялся вместе с ними.

Матвей упёрся руками в стол, пытаясь встать. Не вышло — пришлось вставать со второго раза.

— Ну давай, бороться. Сиволапый. Сам напросился.

Они очертили на полу круг. Встали друг напротив друга.

Сиволапый шагнул вперёд, подхватил Матвея под мышки и поднял над полом.

— Щас я тебя как таракана выброшу на мороз!

Матвей повис, болтая ногами. Но не сдался. Дёрнулся, обхватил медвежью лапу, перехватил рукой за шкуру и резким движением перевернул Сиволапого на пол.

Грохот стоял такой, что посуда подпрыгнула.

Сиволапый лежал на лопатках.

— Вот ни хрена себе!

Матвей навис над ним, тяжело дыша.

— Да-да. Я могу и не так.

Сиволапый приподнялся.

— Давай тогда выпьем ещё.

Матвей кивнул. Они сели за стол, чокнулись кубками.

Из бани вышла Марфа.

Распаренная, с влажными пшеничными волосами, всклокоченная, но свежая.

— Как же хорошо — начала она.

И замерла.

На столе, обнявшись за полные кубки, лежали двое. Сиволапый — вверх брюхом, лапы раскинуты, из пасти вырывается ровный медвежий храп. Матвей — свернувшись калачиком на медвежьей шкуре, рука всё ещё сжимает кубок.

Марфа смотрела на них. Долго. Молча.

— Ну и ну. А я-то рассчитывала

Она вздохнула, покачала головой и, накинув плащ, села у очага.

Огонь потрескивал. За окном выла метель.

Марфа подкинула дров, взяла свою кружку, отхлебнула остывший оль.

— Хоть бы одеялом их накрыть, что ли, — пробормотала она.

Но так и не встала.

Только смотрела на спящих. И улыбалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.